

Инна Инфинити

Опасный министр

«Литнет»

2021

Инфинити И.

Опасный министр / И. Инфинити — «Литнет», 2021

— От кого цветочки, Ален? Ты была на свидании? — Это была деловая встреча с Ярославом Никольским. — Ты закрутила роман с министром? — Нет! Я же сказала, это была деловая встреча! — Деловая встреча, с которой ты вернулась с букетом шикарных роз, — язвит подруга. — А ты не задумывалась, что крутить шашни с министром может быть опасно для тебя? В твоей-то ситуации. Я думала, это будет просто интервью. Ведь я журналист, а он министр. Я не планировала сближаться, но... у него оказались совсем другие планы на меня. Альтернативная Россия. История вымышлена, совпадения случайны История Ярослава из «Моей Нирваны»

© Инфинити И., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	9
Глава 3.	11
Глава 4.	13
Глава 5.	16
Глава 6.	18
Глава 7.	20
Глава 8.	23
Глава 9.	25
Глава 10.	27
Глава 11.	30
Глава 12.	32
Глава 13.	37
Глава 14.	40
Глава 15.	44
Глава 16.	46
Глава 17.	50
Глава 18.	53
Глава 19.	57
Глава 20.	60
Глава 21.	65
Глава 22.	67
Глава 23.	70
Глава 24.	74
Глава 25.	77
Глава 26.	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Глава 1.

Альтернативная Россия.

История вымышлена, совпадения случайны.

Главные герои не имеют прототипов в реальной жизни.

— Ё-моё, Алена, офигеть! Ты видела???

Эмоциональный голос начальницы заставляет меня вздрогнуть. Часы на компьютере показывают 16:00, я собиралась сгдня уйти с работы пораньше, и плохое предчувствие тут же проходится по позвоночнику неприятным холодком.

— Н-нет, — осторожно отвечаю. — Что такое?

Яна аж встала со стула.

— Савельева сняли!

Сердце грохается вниз. Дрожащей рукой я навожу курсор мышки на вкладку с новостной лентой информационного агентства и вижу жирный красный заголовок:

«МИНИСТР ЭКОНОМИКИ САВЕЛЬЕВ ОТПРАВЛЕН В ОТСТАВКУ»

И тут же выходит следующее сообщение с жирным красным заголовком:

«НОВЫМ МИНИСТРОМ ЭКОНОМИКИ НАЗНАЧЕН ЯРОСЛАВ НИКОЛЬСКИЙ»

Внутри все опускается. Я понимаю, что мне сегодня придется работать до ночи, и плакал мой поход в ресторан с Костей.

Черт! Черт! Черт!

Почему это случилось именно сегодня!?

— Алена! Яна! — из своего кабинета выбегает главный редактор и стремительно направляется к нам. — Срочно пишем текст! Звоните источникам, надо узнавать, за что сняли Савельева, кто такой этот Никольский и откуда он взялся, почему именно сейчас...

Главный редактор нашей газеты продолжает отдавать распоряжения по отработке важной темы, но я и без него знаю, что нужно делать. Сначала узнать, ху из Ярослав Никольский. Поисковик выдает, что работал в Минфине, но фотографии мужчины нет.

— Паш, он из Минфина, — громко говорю коллеге, сидящему по левую руку от меня. — Был замом директора департамента.

Паша в нашем отделе экономики отвечает за министерство финансов.

— Уже нашел. Понятия не имею, кто это.

Внутри все опускается второй раз. Если Паша, который пятнадцать лет пишет про Минфин, не знает, кто такой Ярослав Никольский, то дело дрянь. Я со своим шестимесячным опытом после журфака сейчас мало смогу сделать.

На телефон падает сообщение от Кости:

«Зай, я через полчаса уже уйду с работы. Встретимся в 17:30 у ресторана?»

Господи, почему все так не вовремя!?

«Кость, прости, у меня форс-мажор. Посмотри новости. Уволили моего министра, а на его место назначили какого-то нового. Мне нужно писать о нем статью, а я понятия не имею, кто он такой!»

Я уже представляю, как Костя недовольно закатывает глаза и злится, что я снова не могу уделить нам время из-за работы. Полгода назад меня каким-то чудом взяли в отдел экономики газеты «Вести», и я теперь все время посвящаю работе, постоянно трясясь от страха, что меня уволят.

— Алена, я надеюсь, ты переписываешься по новому назначению? — Яна становится возле меня. — Слышала, что сказал главный редактор?

— Да, я пишу статью.

— О чем? — замечаю недовольные нотки в ее интонации.

— О том, что уволили Савельева, а на его место назначили Ярослава Никольского.

— Об этом уже все информационные агентства написали, а мы, что ли, в завтрашней газете должны с этим выйти? — повышает голос.

— Н-нет, — снова заикаюсь. Мне уже хочется расплакаться. — Я узнаю информацию в развитие темы. Ищу эксклюзив. Звоню источникам.

— Ой, ему тут уже и первого заместителя дали, — громко говорит Паша.

Мы с Яной тут же прикипаем к новостной ленте информагентства, где вышел третий жирный заголовок красного цвета.

«ПЕРВЫМ ЗАММИНИСТРА ЭКОНОМИКИ НАЗНАЧЕНА ИРИНА САМОЙЛОВА»

— Кто все эти люди? — задает риторический вопрос Яна.

Я понимаю, что всё очень плохо, если даже Яна — мой редактор с десятилетним стажем — не знает ни Ярослава Никольского, ни теперь эту Ирину Самойлову.

И как мне писать статью про нового министра, если его не знают даже такие опытные журналисты, как Паша и Яна!?

Телефон начинает вибрировать входящим вызовом. Мы с Яной одновременно переводим взгляд на экран, где горит имя звонящего абонента: «Настя Алексеева Минэк». Тут же хватаю трубку.

— Аллю!

— Ален, привет, — быстро тараторит Настя. — Видела новости? У нас новый министр. Не успело выйти постановление о его назначении, как он уже заявился в здание! Такой деловой! Уже в кабинете Савельева хозяйничает, и баба эта с ним, первый зам которая теперь.

— Да, Насть, — перебиваю ее. — Мне сейчас надо писать статью про вашего нового министра. Кто он вообще такой? Его раньше не было в публичном поле. Вроде из Минфина, но наш Паша его не знает, а он в Минфине вообще всех знает! — я не могу держать себя в руках, и истеричные нотки уже проскальзывают в моем голосе.

— Так я тебе поэтому и звоню, — продолжает тараторить, запыхавшись, будто куда-то бежит. — Ложкина наша, пресс-секретарь Савельева, отправилась в отставку вместе с ним, а у нового министра пресс-секретаря еще нет. Вызвал сейчас меня и сказал, чтобы срочно организовала ему интервью с каким-нибудь уважаемым СМИ. Вот я тебе и звоню, Ален. Возьмешь интервью у нового министра? Но только надо, чтобы оно обязательно завтра вышло. Успеешь в номер?

Это просто фантастическое везение. Первое интервью нового, никому ранее неизвестного министра — мне.

— Ну что там? — нетерпеливо шепчет над ухом Яна. Я уже и забыла, что она продолжает надо мной нависать.

— Да, Насть, конечно. Приехать прямо сейчас?

— Да, сейчас. Чем быстрее, тем лучше. Паспорт не забудь, я закажу на тебя пропуск.

Настя бросает трубку. Я медленно поднимаю взгляд на Яну.

— Ну? — потирает меня.

— Предложили прямо сейчас взять интервью у этого Никольского. Мне.

Брови начальницы взлетают вверх.

— Ну и чего ты сидишь? — кричит. — Давай езжай! Диктофон с собой?

— Да, конечно, — подсакиваю на ноги. — Он у меня всегда с собой.

Второй раз мне говорить не нужно. Я хватаю телефон и сумку и со всех ног мчусь на выход из редакции, по дороге вызывая такси. На телефон сыпятся недовольные сообщения от Кости, но я их даже не открываю. По венам шпарит сумасшедший адреналин: первое интервью нового министра будет мне! Обалдеть можно!

Да все конкуренты завтра умрут от зависти!

По дороге в такси я дрожащими пальцами накидываю примерные вопросы, параллельно Паша и Яна присылают мне свои. Несколько раз звонит Костя, но я сбрасываю вызовы. Прости, милый, но у меня интервью с новым министром.

Когда я влетаю в здание министерства, Настя уже стоит у охраны в ожидании меня.

— Почему так долго? — недовольно шипит.

— Извини, приехала сразу, как смогла. — Получаю от охранника одноразовый пропуск и прохожу через турникет. — Кто он такой, Насть?

— Понятия не имею, — девушка ведет меня к лифту. — Для нас это как гром среди ясного неба. Ложкина собирает вещи в своем кабинете и плачет, — на этих словах Настя издает смешок злорадства. Лена Ложкина была строгим начальником пресс-службы.

— А почему ты предложила взять интервью именно мне? — я гордо приосаниваюсь, ожидая услышать, какой я хороший журналист.

— Потому что от тебя точно не будет подвоха. В отличие от того же Батурина из газеты «Новостник». У меня от его вопросов глаз дергается.

Уголки моих губ в недовольстве ползут вниз. Это что, получается, я «удобный» журналист без зубов?

— А почему ты так одета? — Настя проходит мимо меня недовольным взглядом.

Я поворачиваюсь к зеркалу в лифте, чтобы посмотреть на себя, и только в этот момент понимаю весь ужас ситуации. Я собиралась на свидание с Костей и по этому случаю рассчитывала уйти с работы пораньше. В туалете я переоделась в короткое платье существенно выше колен с глубоким декольте и сделала яркий макияж. В последнее время мы с Костей часто ссоримся из-за моей работы, и я ожидала, что после ресторана мы поедем продолжать мириться к нему или ко мне домой.

Уже который раз за последний час мое сердце падает в пятки. Вместо делового журналиста в строгом костюме на интервью к новому министру идет девушка в наряде танцовщицы гоу-гоу: неприлично короткое платье, стриптизерские шпильки, ярко-красные губы и наклеенные ресницы.

— Я собиралась на свидание со своим парнем, — честно отвечаю.

Когда двери лифта открываются на нужном этаже, Настя уже бледная, как простыня.

— Алена, новый министр требовал, чтобы я организовала ему интервью с серьезным журналистом из серьезного СМИ! — Настя истерично взвизгивает.

— Извини, — только и могу сказать, заливаясь краской, которую, впрочем, не видно за толстым слоем румян.

Алексеева жадно хватается ртом воздух.

— Но я ведь серьезный журналист из серьезной газеты, — осторожно замечаю.

— Ты одета, как на панель!

Это я и сама понимаю.

— Если бы я переодевалась в другую одежду, то задержалась бы еще дольше.

Настя порывается еще раз возмутиться, как дверь в приемную министра открывается и выглядывает охранник.

— На интервью? — спрашивает нас.

— Да, — отвечаю.

— Проходите быстрее.

Я делаю уверенный шаг к приемной, пока Настя не развернула меня из-за моего внешнего вида. За те полгода, которые я работаю в журналистике и пишу про министерство экономики, у меня сложились с ней нормальные отношения, но мы не подруги.

— Алена, подожди, — Алексеева несется вслед за мной.

Она догоняет меня у двери в кабинет министра. Признаться честно, коленки в прозрачных капроновых колготках у меня подрагивают.

— Хотя бы сумкой ноги прикрой, — шипит и, пару раз стукнув в дверь министра, опускает ручку. — Ярослав Викторович, добрый вечер еще раз. Это Алена Доброва, журналист газеты «Вести», она в пуле нашего министерства. Давно и хорошо про нас пишет, — издает нервный смехок.

Про «давно» — это она, конечно, загнула.

Я делаю шаг в кабинет и тут же встречаюсь взглядом с сидящим в большом кожаном кресле мужчиной. Неожиданно он молодой.

Боже, сколько ему лет!?

Министрами же младше 50 не становятся. А ему... 30? 35?

— Здравствуйте, Ярослав Викторович, — произношу уверенно, стараясь не выдать своего смущения.

Прикрывать ноги сумкой не особо помогает. Липкий взгляд министра проходится по мне с головы до пят и обратно, задерживаясь на декольте и бедрах. Чувствую, как начинают гореть щеки.

— Здравствуйте, Алена, — он поднимается с кресла и направляется в нашу с Настей сторону, не сводя с меня внимательного взора зеленых глаз. Высокий и мускулистый — это заметно даже через застегнутый на все пуговицы пиджак.

Тяжело сглатываю. Это самая неловкая ситуация за 22 года моей жизни. Я стою перед министром одетая, как для стриптиза.

— Спасибо, Анастасия, — поворачивается к моей спутнице. — Можете идти.

— Э-ээ, что? почему? — растерянно вопрошает. — Я как представитель пресс-службы должна присутствовать на интервью...

— Не переживайте, я справлюсь. Можете идти, — повторяет более настойчиво.

Опешившая от такого заявления Настя мгновение стоит, не шевелясь, а затем, бросив на меня последний предупреждающий взгляд, направляется на выход. Звук закрывшейся за ней двери бьет меня, словно хлыстом, заставляя резко дернуться.

Министр снова возвращает мне внимание и задерживается взглядом на моих ярко-красных губах.

В полуобморочном состоянии я улавливаю терпкий запах его туалетной воды.

— Приступим? — ослепительно улыбается.

Глава 2.

Я продолжаю стоять, не шевелясь. Министр вдруг тоже замер и блуждает зелеными глазами по моему лицу и шее. Кожа покрывается мурашками от одного его взгляда.

— Д-давайте, — заикаюсь.

Коротко кивает и резко от меня отворачивается.

Ярослав Викторович быстро шагает к длинному столу. За такими обычно собираются человек десять и обсуждают важные вопросы.

«Ну хоть сяду за стол, и он не будет видеть мои голые ноги. А декольте прикрою волосами», — проносится в голове мысль облегчения.

Но неожиданно министр берет два стула и ставит их напротив друг друга.

— Присаживайтесь, — все так же ослепительно улыбается.

Несколько раз хлопаю наклеенными для сегодняшнего свидания с Костей ресницами, пытаюсь сообразить, что делать. Никольский стоит у поставленных друг напротив друга стульев и ждет меня, при этом не переставая пристально разглядывать различные части моего тела. Надеюсь, мне только кажется, что он смотрит на мою грудь в этом декольте, потому что впервые в жизни я жалею о третьем размере. Будь у меня единица, я бы сейчас не так сильно нервничала.

Глубокий вдох. Спокойно, Алена. В конце концов, это всего лишь интервью. Ну и что с того, что первое в твоей жизни? Ну и что с того, что с молодым министром, который рассматривает тебя, как хищник?

Ты должна сделать свою работу.

Уверенно ступаю по советскому паркету. Звук моих шпилек режет идеальную тишину кабинета. Я дохожу до министра и сажусь на один из стульев. Никольский опускается на второй напротив.

Я действую машинально. Достая диктофон, включаю его и кладу на стол, придвинув к министру. Сумку вешаю на стул. Айфон ставлю на авиарежим, чтобы Костя не беспокоил своими истеричными сообщениями и звонками, открываю заметки с составленными в такси вопросами и наконец-то возвращаю внимание министру. Почему-то я останавливаюсь взглядом на его правой ладони и делаю про себя отметку, что на безымянном пальце отсутствует кольцо.

Хотя зачем мне эта информация?

У него вид, будто он потешается надо мной. Левый уголок губ слегка приподнят в снисходительной улыбке, в глазах читается: «Кто ты, девочка?». Но я дала себе установку не реагировать на его провокационные взгляды. Более того, я иду ва-банк и закидываю ногу на ногу, оголяя их еще больше.

Министр явно этого не ожидал, потому что его брови взлетают вверх. Но он быстро спохватывается и наконец-то состраивает серьезное выражение лица.

— Почему был отправлен в отставку министр Федор Савельев? — уверенно спрашиваю.

— Этот вопрос вам следует адресовать тому, кто отправляет в отставки министров. Вам ведь известно, кто это делает? — произносит снисходительным тоном.

Министров назначает и увольняет президент. На стене за спиной Никольского как раз висит его портрет. Вряд ли Ярослав Викторович успел его так быстро сюда повесить, значит, остался в наследство от Савельева. Здесь вообще все от Савельева: нафталиновое и до тошноты прокуренное.

Я не верю, что молодой Ярослав захочет работать в такой обстановке. Наверняка затеит ремонт. Надо будет потом отследить тендер на сайте госзакупок. Неплохой может получиться

материал с заголовком «Новый министр делает себе ремонт за *** миллионов бюджетных рублей».

— Где вы раньше работали? — следующий вопрос из моего списка узнать хоть что-то о его прошлом.

— В министерстве финансов. Вы, когда ехали на интервью, не погуглили меня разве?

Да он издевается. В интернете о нем минимум информации, даже фотографии нет. Я понимаю, что мои вопросы очень тупые, но они направлены на то, чтобы узнать, кто он вообще такой и откуда взялся.

Никольский начинает зевать, прикрывая рот ладонью. Демонстративно так. Мол, «твои вопросы очень скучные, девочка». Меня это задевает.

— Главная задача министерства экономики — обеспечивать экономический рост, — строго цежу. — Но последние несколько лет с этим были большие проблемы. Экономика в лучшем случае растет темпами 1-2%. Как вы планируете обеспечить стране темпы роста хотя бы выше 3%? Или мы так и будем топтаться на одном месте?

— Ну наконец-то я слышу от вас вопрос по существу, Алена. Вы правы, сейчас ситуацию в российской экономике, скорее, можно назвать застоем. Хотя еще лет пять назад мы спокойно росли темпами по 4-5%. Но тогда и инфляция была существенно выше. А сейчас мы хотим и темпы роста ВВП высокие, и инфляцию низкую. Одно с другим очень сложно вместе сочетается.

Он не ответил на мой вопрос. Сидит улыбается в ожидании следующего.

— Так вы будете пытаться ускорить экономический рост или нет? — спрашиваю более конкретно.

— Безусловно.

— Каким образом? Какая у вас будет программа? Какие реформы?

Министр явно не ожидал от меня такого напора. Выкуси, сволочь!

Я тебе не стриптизерша, а деловой журналист!

Никольский уже не лыбится. Опять начинает блуждать взглядом по открытым частям моего тела.

И вдруг я догадываюсь, что он специально это делает, чтобы смутить меня. Думает, раз мне 20 лет, я буду стесняться? Черта с два!

Специально откидываю назад свои длинные темные волосы, открывая его взору шею, ключицы и грудную клетку. Ну и вырез на третьем размере, само собой.

В венах закипает злость. Меня бесит, что все полгода, которые я работаю в газете, пятидесятилетние чиновники смотрят на меня, как на маленькую глупую девочку, которая ничего не понимает. Этому не 50, а смотрит на меня так же.

— Так вы будете предлагать правительству реформы или нет, Ярослав Викторович?

— Да, конечно, — наконец-то поднимает взгляд к моим глазам. — Мы будем готовить план действий по повышению темпов роста экономики. Но пока преждевременно говорить, какие меры войдут в документ.

— У вашего предшественника тоже был план действий, но он провалился, — констатирую. — Как вы думаете, почему?

— Я не буду комментировать работу Федора Владимировича Савельева. Это было бы некорректно с моей стороны. Я лишь скажу, что Федор Владимирович безусловный профессионал и очень много сделал на своей должности.

Ага, конечно. Безусловный профессионал, которого ни с того ни с сего вышвырнули за дверь и поставили тебя на его место.

Ты очень не прост, Ярослав, и я обязательно тебя разгадаю.

Глава 3.

Наша беседа наконец-то переходит в деловое русло. Министр больше не пялится ни на мои ноги, ни на мое декольте. Его глаза на уровне моего лица и ниже не спускаются. Мне нравится, как он сейчас разговаривает со мной: как с деловым партнером, как с контрагентом, а не девочкой-малолеткой, которая ничего не понимает.

Вот только вопрос за вопросом Никольский уклоняется от прямых ответов. С одной стороны, я могу понять: его только назначили, и ему еще нечего сказать. Но с другой, для чего тогда было организовывать интервью? Однако учитывая, что вокруг его назначения очень много тайн, то я все равно порву завтра информационное пространство. А конкуренты в других газетах захлебнутся от зависти.

Когда мы уже близимся к концу, неожиданно дверь кабинета распахивается без стука. Я машинально оглядываюсь и вижу девушку в деловом костюме кремового цвета. Она явно не ожидала обнаружить здесь кого-то еще, кроме Ярослава Викторовича, поэтому на секунду замирает, удивленно глядя на меня.

— А это мой первый заместитель Ирина Максимовна Самойлова, — громко представляет мне ее министр.

Она тоже молодая. Как он или даже чуть младше. У нее темные волосы чуть длиннее плеч, стройная фигура. Девушка закрывает за собой дверь, уверенной походкой приближается к нам, достает из-за стола третий стул и садится рядом с Ярославом. Проходится по мне придирчивым взглядом, цепляясь за голые ноги и глубокое декольте.

Мне снова становится неловко за свой внешний вид, но я стараюсь не заикливаться на этом. По ней сразу видно, что она не простая и то, как Никольский на нее смотрит, говорит о том, что их связывают не только рабочие отношения. Таким взглядом — теплым, расслабленным — смотрят на близких людей, которым доверяют и от которых не ждут подвоха.

И она распахнула дверь его кабинета без стука. Значит, у нее есть такое право.

— А что тут происходит? — спрашивает у министра, вдоволь на меня насмотревшись.

— Я даю интервью, — отвечает он ей.

Самойлова снова переводит на меня взгляд и еще раз осматривает, при этом слегка морщась, от чего мне становится неприятно.

— Меня зовут Алена Доброва, я корреспондент отдела экономики газеты «Вести», — представляюсь.

Мне не нравится, с какой беззастенчивостью она меня разглядывает. Как будто я стриптизерша из дешевого кабака, пришедшая скрасить одиночество молодого министра.

— И о чем ваше интервью? — спрашивает с усмешкой, не сводя глаз с моих ног в прозрачных капроновых колготках.

Она мне уже не нравится. У нее на лбу написано, что она отъявленная стерва.

— Я рассказал про наши ближайшие планы, — отвечает Ярослав Викторович. — Но, в принципе, мы уже закончили. Правда, Алена? Или у вас есть еще вопросы?

Я снова загнана в неловкую ситуацию, от которой щеки под толстым слоем румян начинают краснеть.

— У меня всё, Ярослав Викторович. Спасибо, что уделите мне время.

На самом деле у меня осталось еще два вопроса, но мне настолько неприятно под взглядом этой девушки, что хочется поскорее убежать. Она вся такая из себя деловая и породистая, а я будто с панели.

— Всегда рад! — поднимается со стула, ослепительно улыбаясь.

Вот где он научился этой голливудской улыбке?

— И я рада, — тоже поднимаюсь с места, тут же торопясь оттянуть платье вниз.

А вот сейчас самое важное и самое тяжелое — попросить у него номер телефона.

Формально общение журналистов с представителями министерства должно быть только через пресс-службу. Но пресс-служба — это лишний посредник на пути к информации, поэтому каждый журналист стремится завладеть прямым контактом чиновника.

У моего коллеги Паши, который пишет про министерство финансов, чьих только телефонов нет, и со всеми чиновниками он на короткой ноге. Поэтому для редакции он один из самых ценных журналистов. Как только что-то случается, Паша тут же звонит напрямую своему министру или его заместителям, не дожидаясь формальных ответов пресс-служб, которые зачастую похожи на отписки.

Я хочу быть, как Паша.

И я бы без проблем спросила у Никольского номер телефона, будь я по-другому одета и не зайди сюда его заместитель. А так... Девушка в платье стриптизерши просит номер у молодого и красивого министра.

Красивого...

Черт, какое мне дело, как он выглядит? Я должна делать свою работу.

Я серьезный журналист из уважаемой газеты.

— Ярослав Викторович, можно попросить у вас номер телефона? — выпаливаю быстро, пока не успела передумать.

Сердце заколотилось, как бешеное. Министр на секунду застывает. Боковым зрением успеваю заметить, как лицо стервы-зама искажается возмущением.

— Все общение только через пресс-службу! — грозно выпаливает она и тоже поднимается на ноги. — И пришлите интервью на согласование.

Это нормальная реакция, которая ничуть меня не задевает. Будь тут сейчас Настя, она бы сразу же выставила меня за дверь.

— Интервью пойдет в завтрашний номер, а газета отправляется в типографию в 11 вечера. Сейчас семь часов, — осторожно замечая. — Я могу прислать вам на согласование, но если вы не успеете внести свои правки до 23:00, интервью пойдет в печать в неотредактированном виде, а вам ведь самим не нужно, чтобы речь министра выглядела криво?

— Я успею посмотреть текст до 11 вечера, — отвечает Никольский. — Обязательно пришлите, и лучше мне напрямую, потому что у пресс-службы рабочий день уже подошел к концу, — мгновение медлит. — Запишите мой номер телефона, Алена.

Из ушей Самойловой сейчас повалит дым.

Получи, стерва.

Я даже не пытаюсь скрыть свою победоносную улыбку. Разблокирую айфон и записываю цифры, которые диктует Никольский.

Глава 4.

Когда я еду в такси до дома, понимаю, что уже не могу игнорировать настойчивые звонки и сообщения Кости. Набравшись смелости, поднимаю трубку.

— Ты там совсем охренела со своей работой уже, а!?!?

Костя так громко кричит, что даже таксист оборачивается, хотя у него там тихо поет радио.

— Кость, прости...

— Что прости, Ален??? Мы договаривались пойти сегодня в ресторан! Я с работы специально отпрашивалась. Какого хрена ты опять творишь???

Делаю глубокий вдох в попытке не начать отвечать Косте такими же грубостями. Я понимаю, что виновата. Но такая у меня работа, что я могу тут поделать?

— Кость, ну ты видел новости? Уволили моего профильного министра, на его место назначили нового. Я журналист, у меня ненормированный рабочий график...

— Ну, значит, смени работу! — резко перебивает меня. — Я уже задолбался от этого, Ален.

Все-таки не сдерживаюсь и тоже повышаю голос.

— Ну давай я уволюсь, а ты будешь меня содержать! Целыми днями буду сидеть дома и смотреть сериалы, а ты начнешь оплачивать мою съемную квартиру и давать мне деньги! Но зато я всегда буду для тебя свободна!

Костя тяжело дышит в трубку. Я представляю, какое у него сейчас перекошенное от злости лицо.

— Прости, Кость, но это моя работа, — говорю уже более спокойно.

— Ты где сейчас? — переводит тему.

— Еду домой. Я брала интервью у нового министра. Сейчас буду быстро расшифровывать и готовить к печати, надо успеть в завтрашний номер.

— Ты одна сегодня дома?

— Да.

— Тогда я приеду к тебе.

— Хорошо, приезжай, — соглашаюсь, стараясь не подать вида, что мне это не понравилось.

Как минимум, до 23:00 мне нужно будет работать, а присутствие Кости будет только отвлекать. Он начнет томно вздыхать с недовольным видом у меня за спиной, давая понять, что ему хочется моего внимания. Просто Костя экономист, и у него нормированный рабочий график, он не понимает, что есть профессии, где могут выдернуть и в выходной, и ночью.

Переступив порог съемной квартиры, я тут же направляюсь в свою комнату. Два месяца назад я окончила журфак МГУ и съехала из общаги. С моей соседкой по комнате Аней мы сняли напололам двушку.

Когда пришло время покидать общежитие, у нас с Костей встал вопрос о совместном проживании. Я ждала от него конкретного предложения, но он лишь промямлил что-то невнятное из разряда: «Ну если хочешь, то можно попробовать, но не сейчас, а попозже». Когда именно «позже» он не уточнил, а я не стала повторять, что из общаги мне нужно съезжать сейчас, а не когда-то там «позже». Плюнув на Костю, я принялась искать квартиру вместе с Аней. Просто Костя москвич и живет с родителями, а я из глубинки. Его семья относится ко мне прохладно, это я чувствую с самого начала наших с Костей отношений. Им не нравится, что у меня нет московской прописки. Хотя Костя все время меня убеждает, что я нравлюсь его семье.

Я ужасно хочу есть, из-за всего случившегося я осталась без ужина, а Никольский, к слову, даже кофе мне не предложил. Впрочем, я так нервничала, что все равно не смогла бы сделать и глотка. Но сейчас не до еды. Подсоединяю наушники к диктофону и принимаюсь колотить по клавиатуре в сумасшедшем темпе. Мне еще хорошо, я дома. А вот Яна, моя начальница, сидит в редакции и ждет, когда я сдам ей интервью.

На самом деле я приврала Никольскому и его стерве-заму, когда сказала, что газета отправляется в типографию строго в 23:00. Одиннадцать вечера — это идеальный вариант, но в случае чего-то важного номер могут и придержать. Типография тогда выставляет штраф, но это сущая ерунда по сравнению с той сенсацией, которую мы выдадим, благодаря задержке.

Расшифровывая интервью, я обращаю внимание, какой у нового министра интересный голос. У Савельева был прокурорский бас, да и у остальных чиновников они примерно такие же. А у этого... Мягкий, бархатный баритон. Я ловлю себя на том, что мне просто приятно слушать его речь. Не важно, что он говорит. Любые слова звучат красиво.

Меня приводит в чувство настойчивый звонок в дверь. Ставлю диктофон на паузу и бегу открывать. Мне даже не надо смотреть в глазок, в такое время ко мне может прийти только Костя.

— Привет, — впускаю парня в квартиру.

По выражению его лица понимаю, что он все еще недоволен.

— Извини, мне нужно еще полчаса, и я освобожусь.

Костя замирает, скинув одну туфлю.

— Что это за платье на тебе?

Я машинально поворачиваюсь к зеркалу.

— А, — издаю легкий смешок. — Это я так оделась для нашего свидания. Я как домой зашла, тут же бросилась расшифровывать интервью, не успела переодеться.

— И ты в таком виде ходила на интервью?

Ну вот, сейчас снова начнется. Костя еще патологически ревнив.

— Не успела переодеться, — развожу руками. — Но мы же с министром не вдвоем были, — вру. — С нами еще две девушки из пресс-службы сидели, а потом пришла его заместитель, тоже девушка. Ты разуйся, проходи, я уже скоро освобожусь.

И не дожидаясь от него новых ревнивых вопросов, я бегу в комнату и затыкаю уши наушниками. Костя, как я и думала, ложится на мою кровать и принимается недовольно вздыхать, давая понять, что ему скучно. Нет бы в телефоне посидел, инстаграм посмотрел, тикток. Но он предпочитает прожигать мне недовольным взглядом затылок.

Никольский на удивление говорил очень грамотно, за ним почти не приходится редактировать речь. Это редкость для чиновника. Я расшифровывала дословно, а правки минимальные. Скорее всего, он оканчивал курсы ораторского мастерства или что-то такое, потому что обычные люди всегда говорят косноязычно, хоть и не замечают этого. А чиновники — так тем более. Они даже мыслят канцеляризмами.

«Ну что там? Скоро?», — приходит сообщение от Яны.

«Отправляю на согласование»

«Он точно быстро согласует?»

«Сказал, что да»

Я открываю на компьютере мессенджер и нахожу там Никольского. Счет времени идет на секунды, потому что уже половина одиннадцатого, но я не выдерживаю и тыкаю его фотографию на иконке. Министр в джинсах, рубашке и пиджаке стоит, скрестив на груди руки, на фоне белой стены. Профессиональная постановочная фотография. Но как же он улыбается! Голливуд по нему плачет.

— Зай, кого ты там смотришь? — раздается из-за спины.

— Министра. Проверяю, точно ли это он, а то еще отправлю не тому человеку.

Быстро закрываю фотографию, пока Костя не заподозрил лишнего, и принимаюсь печатать сообщение:

«Ярослав Викторович, здравствуйте еще раз. Это Алена Доброва из газеты «Вести». Направляю вам на согласование интервью. Жду от вас согласованной версии до 22:50. Извините за сжатые сроки»

И следом прикрепляю вордовский файл.

Отчего-то в крови разыгралось волнение. Под фотографией Никольского тут же загорается «онлайн», а затем и две галочки у моего сообщения. Печатает...

«Спасибо, Алена! Уже открываю»

Откидываюсь на спинку стула и прикрываю глаза.

— Кость, я пипец, как сегодня устала.

Он поднимается с кровати и подходит сзади ко мне. Начинает мягко массировать плечи и шею.

— Ален, ты правда так оделась для нашего свидания? — хрипло спрашивает.

— Да.

— Ты обалдеть какая сексуальная, зай. Министр, наверное, глаза порвал и чуть слюной не подавился, когда увидел тебя.

Я задерживаю дыхание. Костя сейчас говорит это без претензии и злости, а с некой гордостью. Он иногда любит восторгаться тем, какая я красивая и досталась ему одному. Костя стал у меня первым.

— Он даже не смотрел на меня, — быстро вру, вспоминая, как Никольский мазал по мне глазами и задерживался взглядом на самых интересных частях моего тела.

Костя склоняется к моей шее и проходится по ней дорожкой из поцелуев, слегка прикусывая кожу. В любой другой ситуации я бы уже стягивала с него одежду, но сейчас я на таком взводе, что совершенно не могу сконцентрироваться на своем парне, который томно дышит и водит ладонями по моему телу.

— Кость, поставь, пожалуйста, чайник, — прошу, аккуратно снимая с себя его руки.

— Хорошо, зай.

Парень наконец-то уходит на кухню. Мне же снова становится не по себе за то, что я пришла на интервью в таком виде. Это, конечно, был самый настоящий позор — явиться к министру в сексуальном наряде, который приготовила для своего парня.

Мессенджер на компьютере издает звук входящего сообщения. Тут же хватаюсь за мышку и открываю.

«У меня нет возражений по тексту интервью. Спасибо, Алена, и было очень приятно с вами познакомиться»

Фух, ну слава богу нет никаких правок.

«Спасибо, взаимно»

Я уже порываюсь закрыть диалог с министром и открыть с Яной, как от него приходит новое сообщение.

«Надеюсь, это была наша не последняя встреча?»

Глава 5.

Естественно, это была наша не последняя встреча. Ведь министерство экономики — мое профильное. В нашей газете кроме меня никто про него не пишет. Ну разве что Паша иногда залезает на мою поляну. Но Паше можно, Паша супер-опытный журналист, и иногда я смотрю на него, приоткрыв рот.

«Я в пуле министерства экономики) Так что я буду на всех ваших пресс-конференциях)»

Почему-то меня снова охватывает волнение. Наверное, потому что я еще никогда не переписывалась с министром. Телефона Савельева-то у меня не было. Паша вот с министрами переписывается уже, как с друзьями. Возможно, однажды я стану таким же профессионалом, как мой коллега, и переписка в чиновником после 11 ночи будет для меня чем-то обыденным.

Но сейчас у меня капец, как дрожат пальцы, когда я нажимаю на кнопки клавиатуры.

«Замечательно. Я рад, что вы в нашем пуле»

А на это что ответить?

— Зай, чайник закипел! — кричит из кухни Костя.

— Иду!

Никольский все еще онлайн. Ждет от меня ответа?

«Еще раз спасибо за интервью, Ярослав Викторович»

Быстро закрываю мессенджер, чтобы он увидел, что я не онлайн, а интервью отправляю Яне по почте. Надеюсь, Никольский ничего больше не скажет, потому что все-таки мне нужно прийти в себя после сегодняшних адреналиновых горок.

Ухожу на кухню к Косте, чтобы даже не слышать звук пришедшего в ответ сообщения, если оно все-таки будет.

— Я заварил чай и сделал бутерброды, — говорит Костя, когда я появляюсь. — Опять у вас пустой холодильник. Две девушки живут вместе, называется.

— Аня вечно на диетах, а мне некогда готовить.

Я беру в руки бутерброд с колбасой и сыром и с огромным наслаждением откусываю большой кусок.

— Я не ела ничего с двух часов дня, — произношу, прожевав.

— Надо было хотя бы доставку заказать или мне в магазин зайти. Почему ты не сказала, что нет продуктов?

— Забыла. Я была так взволнована, что не могла вообще ни о чем думать. Кость, прикинь, я взяла интервью у министра! Его только назначили, и первое интервью — мне! Обалдеть можно, правда?

Я снова захожусь восторгом. Черт, да я отмечу сегодняшний день красным цветом в календаре!

— Угу, — безразлично соглашается парень.

— Кость, ты что, не рад за меня?

— Очень рад, — так же безэмоционально отвечает.

Ему по фиг. Я решаю больше не делиться с ним своим восторгом и ухожу в поедание бутербродов. Но градус моего хорошего настроения стремительно падает вниз. Я не понимаю, почему Костя не может просто порадоваться за меня. Неужели это так сложно? Мы вместе два года, у нас серьезные отношения, а он ведёт себя, как эгоист.

— Зай, я за тебя рад, — говорит, придвигаясь ко мне на стуле.

Видимо, Костя все-таки понял, что ведёт себя слишком безразлично к моему успеху. Берет меня за руку, переплетает наши пальцы и подносит к губам тыльную сторону ладони.

— Правда рад? — уточняю неуверенно.

— Да. Ты большая молодец, и я тобой горжусь.

Кажется, что он даже искренен.

— Но давай все-таки договоримся, что если мы решили куда-то пойти, то мы туда пойдём. Ведь на это интервью не обязательно должна была ехать именно ты. Тебя могли подменить коллеги.

Нет, он все-таки не понимает, насколько это для меня важно. И отдать интервью с министром кому-то из коллег? Ни за что.

— Да, ты прав. Извини, — соглашаюсь, просто чтобы уже прекратить этот разговор.

Иногда проще сказать человеку то, что он хочет услышать, чем спорить и ругаться.

В зеркале в ванной на меня смотрит, если не стриптизерша, то, как минимум, роковая женщина-вамп с остатками красной помады на губах и смоки-айс с пышными наклеенными ресницами. Выдавливаю на ватный диск средство для снятия макияжа и принимаюсь все это стирать, превращаясь в обычную девчонку.

Душ помогает окончательно привести мысли в порядок и утихомирить адреналин, гуляющий по крови. Если отбросить в сторону восторженные эмоции, то впереди меня ждет очень много работы по налаживанию доверительного контакта с новым министром. Ведь сегодняшнее интервью на самом деле ничего не значит. Министры раздают интервью направо и налево, уже через пару дней Никольский забудет о нем.

Как говорит мой редактор Яна, успех журналиста, как и олимпийского чемпиона, длится ровно один день. Олимпийский чемпион слезает с пьедестала и ему надо начинать пахать по новой, чтобы забраться на этот пьедестал во второй раз. Так и у нас в профессии. Сегодня ты взял интервью у министра и уделал всех конкурентов, а завтра выйдет новая газета, и об интервью во вчерашнем номере уже никто не вспомнит. Новость живет один день.

Горячая вода вперемишку с накопленной за день усталостью клонят в сон. Я залезаю под одеяло к Косте, но, когда парень притягивает меня к себе и начинает целовать, отвечаю ему не очень охотно.

— Я соскучился по тебе.

— Кость, прости, я так спать хочу.

Он рвано выдыхает мне в шею.

— Ладно, — нехотя соглашается.

— Не обижайся, я тоже соскучилась. Но сейчас я выключаюсь.

Костя поудобнее устраивает меня в своих руках и проваливается в сон. А вот я, хоть и сильно устала, но не свожу глаз со своего телефона у ноутбука. Я так и не проверила, ответил ли мне что-нибудь Никольский.

Костя переворачивается на спину, и у меня появляется возможность тихо встать, не разбудив его. На носочках подхожу к письменному столу и нажимаю на боковую кнопку айфона. Экран пуст, новых сообщений нет.

Глава 6.

По состоянию на 9 утра у интервью больше трёхсот ссылок в других СМИ. Я смотрю на эту цифру в мониторинге информационного поля за ночь, который рассылает всем сотрудникам газеты наш аналитик, и не верю своим глазам. Такого успеха не было еще ни у одного моего материала.

Поэтому порог редакции я переступаю с триумфальной улыбкой до ушей. Все коллеги уже сидят на местах, когда я подхожу к своему компьютеру.

— Ну что, как вчера все прошло? — приближается ко мне довольная Яна.

— Ой, я очень переживала. Но в целом все было нормально.

— Главный редактор похвалил.

А вот это уже вишенка на торте. Наш главный редактор очень редко кого-то хвалит. Он считает, что брать интервью у министров и доставать эксклюзивы — это наша работа, за которую нам платят зарплату, а не что-то эдакое, за что нужно отдельно хвалить и поощрять.

— Мне очень приятно.

— Я попробую пробить тебе квартальную премию.

Застываю с пальцем на кнопке включения компьютера.

— Серьезно?

— Да. Ты заслужила.

Яна возвращается на свое место, а я хочу начать прыгать от восторга, но в кругу более опытных коллег, на счету которых не одно интервью, — это будет выглядеть странно.

— Так и что он из себя представляет? — спрашивает Юля, которая в нашем отделе пишет про социальную политику.

— Пока непонятно, — отвечаю честно, как думаю. — Но в прокуренный и нафталиновый кабинет Савельева он не очень вписывался. Да и в целом во все российское правительство он не очень вписывается.

— Почему? — уточняет Катя, которая пишет про налоги.

— Потому что он мне показался слишком продвинутым для российского чиновника. От него нет вот этого совкового душка, как от всех остальных. И, я думаю, ему будет тяжело с ними работать.

— Ну-ну! — вмешивается Паша. — Ты мне Валентина Александровича не обижай! Он, между прочим, в мотозабегах участвует!

Валентин Александрович — наш министр финансов. Паша прав, он довольно современный и придерживается либеральных взглядов. И да, у него страсть — мотоциклы. Пятидесятилетний министр финансов в рваных черных джинсах и бандане рассекает по просторам Краснодарского края на «Харлее» — была у него недавно такая фотосессия для «Форбса».

— По-моему, это пиар, — озвучиваю свое мнение.

— Нет, он на самом деле профессионально увлекается мотоциклами, — со знанием дела отвечает Паша. — Он их коллекционирует.

Я непроизвольно начинаю смеяться.

— А в его декларации о доходах и имуществе эта коллекция отражена?

— Нет, конечно. Кстати, о доходах и имуществе. Я вчера покопался в старых декларациях Минфина, поискал там Никольского.

— И как? Нашел? — я поворачиваюсь на стуле с колесиками к Паше.

— Да. Сейчас скину тебе ссылки.

— Алена, а ты попросила у Никольского телефон? — прилетает мне справа от Яны.

— Да, и он дал.

— Отлично, — кивает головой начальница.

— А поделишься? — спрашивает Паша.

Не глядя в его сторону,ставляю фигу.

— Ну давай тогда поменяемся? — не отстает от меня, что уже вызывает смех у других коллег.

— Давай, — охотно соглашаюсь. — Ты мне телефон министра финансов тогда.

— Нет, Валика я тебе дать не могу.

Я начинаю хохотать. Мне всегда смешно, когда Паша называет министра финансов фамильно Валиком. Хотя они на «вы», и на встречах Паша всегда к нему по имени-отчеству.

— Я могу дать тебе номер министра спорта.

— Зачем мне телефон министра спорта, Паш?

— Ну слушай, сегодня он министр спорта, а завтра, может, президент.

— Нет, Паша, я так не меняюсь.

— Ян, ты это слышала? — кричит ей через меня. — Вот так вот, берешь на работу вчерашних студентов, которые ничего не умеют, учишь их всему, а они потом делают интервью с министрами, и сразу корона на голове вырастает.

Я уже закатываю глаза.

— Да уж в нашей редакции большей звезды, чем ты, сложно найти, — прилетает ему сарказм от Яны.

Я ухожу на кухню налить кофе, а когда возвращаюсь, погружаюсь в декларацию о доходах сотрудников Минфина за прошлый год, которую мне прислал Паша.

У Ярослава Никольского нет жены и детей. По крайней мере официально. Он владеет квартирой в Москве площадью 250 квадратных метров. И тут я присвистываю. Двушка, которую я снимаю напололам с подругой, 45 квадратов. Также у Никольского два автомобиля: «Порше» и «Майбах». Для этих красавцев у него в собственности два машиноместа. И еще у него два земельных участка.

А далее я перевожу глаза на цифру его годового дохода на посту заместителя директора департамента министерства финансов, и моя челюсть опускается до клавиатуры.

Глава 7.

Полдня я сижу на работе с дурацкой улыбкой до ушей, то и дело обновляя страницу ветки Яндекс.новостей с перепечатками моего интервью. Не выдерживаю, делаю скриншот на отметке ровно 500 ссылок и все-таки отправляю Косте.

«Мое интервью процитировали 500 СМИ!»

Он открывает сообщение, но ничего не отвечает. Ну ладно, занят, наверное.

— Обедать пойдём? — громко обращается ко всем Яна.

На часах уже 14:00, и хоть я с утра сыта своим успехом, а в рот закинуть что-нибудь надо.

Ребята поднимаются с рабочих мест, и все дружно мы направляемся в редакционную столовую. Я люблю наш отдел, у нас прекрасный коллектив. Яне — редактору — 28 лет, а она уже руководит отделом экономики крупнейшей федеральной газеты. Я восхищаюсь ею с первого дня, как пришла сюда. Она тоже окончила журфак МГУ, но работать начала еще на первом курсе, поэтому уже в 24 года стала начальником отдела экономики.

Мне до сих пор иногда не верится, что она взяла меня на работу. Яна для меня эталон. Когда она была рядовым корреспондентом, тоже писала про министерство экономики, поэтому мне особенно нравится с ней общаться и слушать истории про Минэк и Савельева десятилетней давности.

Но вот сейчас на обеде Яна совсем без настроения. Паша это замечает.

— Ян, у тебя все хорошо? Ты какая-то грустная.

— Я очень долго не могла уснуть, — морщится. — Всю ночь думала об этом Никольском.

Неожиданно. Впрочем, Яна еще и трудоголик. Она сидела в редакции до ночи в ожидании моего интервью, а потом вполне могла всю ночь размышлять о произошедшем.

— В общем, у меня есть теория касательно его назначения, — продолжает.

— Какая? — спрашиваю, отложив в сторону вилку.

— Через полгода президентские выборы. Было бы логично, чтобы после них полностью поменяли состав правительства, убрали всех, кто перестал устраивать. Зачем за полгода до выборов ни с того ни с сего убирать одно несчастного Савельева и ставить на его место какого-то непонятного мальчика из Минфина?

Характеристика «какой-то непонятный мальчик из Минфина» по отношению к Никольскому режет мне слух. У меня до сих пор стоит перед глазами его образ красивого и делового мужчины. Вдобавок умного. Да, он молод. Но «какой-то непонятный мальчик» — это Яна загнула.

— Ну очевидно же, что за ним кто-то стоит, — отвечает Паша. — Это я не знаю, какую протекцию надо иметь, чтобы из заместителей директора департамента сразу в министры попасть.

— Я думаю, его назначение пролоббировали в правительстве, — задумчиво продолжает Яна.

— Почему ты думаешь, что в правительстве? Может, его силовики лоббировали.

Я сижу, затаив дыхание, и внимаю каждому слову Яны и Паши. Юля и Катя спокойно поедают свои супы, особо не обращая внимания на разговор. Они давно работают в газете и находятся в своего рода зоне комфорта. Им мало интересно то, что происходит за пределами их поляны.

— Силовики редко лезут в финансово-экономический блок правительства, — качает головой Яна. — Я даже таких случаев не помню.

— Если честно, я думаю, его назначение мог лоббировать Валентин Саныч. Савельева захотели убрать, стали искать замену, Валик порекомендовал своего прямого подчинённого — молодого и перспективного со свежим взглядом на экономическую ситуацию в стране.

— Да! — восклицает Яна так громко, что на нас оглядываются посетители за другими столиками. — Именно! Молодой и перспективный со свежим взглядом на экономическую ситуацию. А зачем нам такой за полгода до выборов?

Паша задумывается и долго не отвечает. Тогда Яна переводит взгляд на меня.

— Алена, а ты что думаешь?

— Я не знаю, — честно говорю, смущаясь своей глупости.

— Его назначили, чтобы он подготовил проект реформ, которые нужно будет реализовать после президентских выборов. До выборов все должно быть спокойно и стабильно, а вот после них начнётся замес. Судя по тому, что наша экономика в полной заднице, придется принимать радикальные меры и, возможно, не все из них понравятся гражданам.

— Думаешь, он предложит повысить налоги? — Паша издаёт смешок.

— Я не знаю, что он предложит. Но его назначение за полгода до выборов не просто так. Нужен был человек, который подготовит реформы, и по какой-то причине выбор пал на мальчика из Минфина, — Яна задумчиво трет лоб. К еде в своей тарелке она так и не притронулась. — В общем, ребят, надо узнавать, что этот Никольский будет предлагать. Алена, — переводит взгляд на меня. — Скорее всего, его предложения будут носить гриф секретности, их будет крайне сложно достать. Но мне нужны его реформы. Мы должны первыми узнать и написать, что он там собрался предлагать: налоги повысить, пособия на детей отменить, сделать всю медицину платной, как в Америке... Я не знаю, какую дичь он будет предлагать, но ты должна узнать об этом первой.

— Да, да, конечно, — быстро киваю головой.

— Что «да, да, конечно»? — Яна начинает злиться. — Это не шутки, Алена. Сейчас за его реформами начнут охотиться все журналисты. Ты должна достать их первой, наша газета должна написать об этом первой.

А вот теперь мне становится не по себе.

— Ну, телефон молодого и симпатичного министра у тебя есть, — подкалывает меня с улыбкой Паша. — Так что используй его номер по полной программе.

— Да, насчет телефона, — продолжает Яна. — Не стесняйся ему писать, задавать вопросы по темам. Ненавязчиво, конечно, постоянно бомбить не надо. Но раз в какое-то время пиши и спрашивай по важным темам. Я хочу уже наконец-то увидеть от тебя достойных эксклюзивов, а не одно переписывание пресс-релизов.

Согласно киваю головой. Яна хоть и жестко со мной, но я понимаю, что она права. Журналист должен рыть информацию, писать о важных вещах, которые волнуют жителей страны. Это легко делать, когда у тебя уже много опыта, есть источники, ты глубоко погружен в тему и всегда знаешь, что спросить. Но если ты только пришел после универа и начинаешь все с нуля, то зачастую банально не знаешь, какой вопрос задать даже пресс-службе.

Остаток рабочего дня я, к сожалению, переписываю пресс-релиз в газетную статью, параллельно думая, по какому поводу можно написать Никольскому. Несколько месяцев назад премьер-министр говорил, что планируется подготовить список из 12 масштабных проектов, которые будут реализованы за счет федерального бюджета. Спросить у Никольского, готов ли список и что это будут за проекты? Если он назовет конкретные мосты, дороги или стадионы, то даже Паша оближется на такой эксклюзив.

Удивительно, как без каких-либо проблем я попросила у Никольского номер телефона, а теперь не могу решиться написать ему. Беру телефон в руки, открываю наш диалог и снова закрываю. Примерно такое же чувство у меня было лет в 14, когда я влюбилась в парня из параллельного класса, который не обращал на меня внимания, и хотела написать ему первой.

Снова рассматриваю его фотографию в мессенджере. Он выглядит, как человек, у которого жизнь удалась на сто процентов. На сайт министерства экономики уже повесили его биографию. Новому министру 35 лет, он окончил Международный институт экономики и финан-

сов Высшей школы экономики. Сначала работал аналитиком в крупных зарубежных банках, а пять лет назад пришел в Минфин на позицию заместителя директора департамента бюджетного планирования. Не женат, детей нет, профессионально увлекается бейсболом.

Бейсболом?

Несколько раз перечитываю эту строчку. Первый раз встречаю человека, который увлекается этой американской игрой.

— Алена, какая у тебя заявка на завтра? О чем будешь писать? — отрывает меня от изучения биографии Никольского голос Яны.

Рабочий день близится к концу, и мне надо найти тему на завтра.

— Я хочу спросить у Никольского, отобраны ли уже 12 проектов, о которых премьер в июне говорил. Ну и спрошу, сколько денег на них потребуется.

— То, что ты хочешь спросить, это, конечно, замечательно. Вот только мне нужна от тебя конкретная тема. «Хочу спросить» — это не тема.

Я вздыхаю.

— Жду от тебя заявку до 10 утра завтра.

— Хорошо, я сделаю заявку.

У меня нет другого выбора. Я беру в руки телефон и печатаю сообщение министру. Даже думать не хочу, что будет, если он мне не ответит, или проектов еще нет, или он о них не знает.

«Ярослав Викторович, здравствуйте! Это Алена Доброва из «Вестей». Извините, пожалуйста, за беспокойство, но я хотела у вас спросить, отобраны ли уже правительством 12 проектов, которые планируется финансировать из бюджета в следующем году? О них в июне говорил премьер-министр. Очень надеюсь на ваш ответ. Еще раз извините за беспокойство»

Набираю сообщение дрожащими пальцами, то и дело промахиваясь мимо букв. Перечитав несколько раз, жму «отправить» и жду. Сердце стучит так же, как в 14 лет, когда я все-таки решилась написать первой тому парню из параллельного класса. Он тогда сразу прочитал мое сообщение и ничего не ответил.

Никольский онлайн. У моего сообщения загораются две галочки. Секунды идут, а под его именем слово «печатает» не появляется.

«Был в сети только что».

Глава 8.

После работы я без особого настроения направляюсь на свидание с Костей. Мы договорились сходить в кино, а потом где-нибудь поужинать. Для середины сентября в Москве довольно душно, а в метро еще и час пик. В давке мне еле удаётся протиснуться к противоположным дверям, но там рядом оказывается вонючий мужик. Через две остановки меня уже начинает тошнить, а, когда я пытаюсь пролезть в другой свободный угол, кто-то сильно наступает мне на ногу, оставляя большой черный след на моих белых кедах.

В итоге, когда я встречаюсь с Костей в торговом центре, мое настроение ниже плинтуса.

— Привет, зай, — он притягивает меня к себе и целует.

Я даже не отвечаю.

— Все в порядке? — замечает мое настроение.

— Нет.

— Что-то случилось?

— Я очень устала, Кость, — произношу с раздражением.

— Но мы же давно договаривались пойти на этот фильм.

— А я разве говорю, что передумала идти?

— Не говоришь, но у тебя такой вид...

— Я устала! — рявкаю и обхожу его, чтобы направиться к эскалатору.

Костя семенит сзади. Затылком чувствую его недоуменный взгляд и попытки понять, какая муха меня укусила. А муха такая, что Никольский так мне и не ответил. Причём, в Телеграм он заходит чуть ли не каждые 10 минут. Я проверяю.

Костя покупает нам билеты и еду. В ожидании, когда начнут запускать в зал, я закидываю в рот попкорн, уставившись в одну точку перед собой.

— Зай... — осторожно начинает Костя и накрывает мою ладонь своей.

Нехотя поворачиваюсь к нему.

— Что?

— Ты совсем не рада меня видеть?

— Мы виделись утром.

Я вдруг понимаю, что перегибаю палку и, с шумом выдохнув, кладу голову парню на плечо. Он обнимает меня за талию и прижимает поближе к себе.

— У меня ничего не получается на работе, — с горечью признаюсь.

— Ну как это не получается? — удивляется. — Ты вон интервью у министра взяла.

— Так это было вчера, а сегодня уже новый день. Завтра об этом интервью уже никто не вспомнит.

— Почему?

— Потому что новость живет один день.

— Но невозможно же каждый день брать интервью у министров.

— Невозможно, — соглашаюсь. — Но помимо интервью бывают громкие эксклюзивы, резонансные темы. А у меня их нет. Только и делаю, что пресс-релизы переписываю. Я думаю, Яна не продлит мне контракт после нового года.

— Не говорю ерунду, — спешит меня успокоить. — А даже если и не продлит, то, может, и к лучшему. Найдёшь более спокойную работу.

Вот опять он за свое.

— Я не хочу более спокойную работу, — отвечаю резковато. — Мне нравится моя. — Двери кинозала распахиваются, и, не давая Косте ответить, я устремляюсь туда.

На протяжении всего фильма я сжимаю в ладонях мобильный телефон в режиме вибрации, боясь пропустить сообщение от министра. Пару раз, снизив яркость экрана до минимума, я открываю диалог с Никольским и проверяю, когда он был в сети. Полчаса назад.

Нерадужные мысли пчелиным роем носятся в голове, не давая сконцентрироваться на фильме. За ужином я отвечаю Косте односложно и не даю ему проводить меня до дома. Вдобавок ко всему, вернулась из отпуска моя соседка, так что мне даже не удастся побыть в тишине.

— Привет! — выбегает мне навстречу загорелая Аня, не успеваю я переступить порог квартиры.

— Привет, — выдавливаю из себя улыбку.

— Как дела? Я соскучилась! — тянется меня обнять.

Приобнимаю ее в ответ и тут же отстраняюсь. От Ани пахнет морем и отдыхом, а я за все лето даже ни на какой водоём не съездила, потому что постеснялась попросить у Яны отпуск сразу после трудоустройства.

— Нормально, как отдохнула? — спрашиваю из вежливости.

— Офигенно! С отелем повезло, все было идеально. Я привезла турецкие сладости. Давай чай попьём?

Меньше всего на свете мне хочется с кем-то разговаривать. Я бы с огромным удовольствием сейчас закрылась в ванной и разрыдалась навзрыд, как тогда в 14 лет, когда мне не ответил мальчик из параллельного класса.

— Давай, — соглашаюсь, чтобы не обидеть подругу.

Аня в таком прекрасном расположении духа, что даже не замечает мое плохое настроение. Я мою руки и прохожу на кухню, где весь стол завален рахат-лукумом, пахлавой и прочими восточными вкусностями.

И вот для кого Аня все это привезла, если сама вечно худеет?

— Я чуть-чуть съем и больше не буду, — щебечет. — Я так обожралась в этом турецком «все включено». Мне теперь срочно нужна детокс-диета!

К слову, фигура у Ани, как у балерины.

Пока подруга рассказывает, как прошёл ее отпуск, я не свожу взгляд с телефона на столе. Руки так и чешутся снова открыть Телеграм и проверить, когда Никольский последний раз был в сети, но я запрещаю себе это делать.

Уже почти 11 вечера! Он не ответит.

Допив чай, я мою кружки и ухожу в свою комнату, даже не взяв с собой айфон. Падаю на кровать в одежде и смотрю в потолок. У меня нет темы на завтра, и я чувствую, как на глаза наворачиваются слезы. Журналистика — это мясорубка. У хорошего корреспондента каждый день должен быть эксклюзив, а у меня за полгода работы таких тем можно пересчитать по пальцам.

— Ален! — кричит через закрытую дверь моей комнаты Аня. — Ты забыла на кухне телефон.

— Он мне не нужен.

— Ты его на вибрацию поставила, а там тебе какой-то Ярослав Никольский только что звонил.

Глава 9.

Я подскакиваю с кровати и несусь на кухню, чуть ли не сбивая с ног все еще стоящую у моей двери Аню. Хватаю в руки смартфон и действительно вижу один пропущенный вызов от Ярослава Никольского.

Черт! Полдня ждала от него ответа и в итоге пропустила звонок.

— Все в порядке, Ален? — осторожно интересуется подруга. — А кто такой Ярослав Никольский?

— Мужик с работы, — коротко поясняю и возвращаюсь в свою комнату.

Я смотрю на экран, где имя министра горит красным цветом, означая, что звонок пропущен, и не знаю, как быть. Перезвонить ему сейчас?

Но не успеваю я и пальца занести над экраном, как телефон начинает вибрировать. У меня дыхание перехватывает, когда я вижу его имя: Ярослав Никольский. «Красиво звучит», вдруг проносится в голове. Делаю глубокий вдох и принимаю вызов.

— Алло, — на удивление произношу уверенно.

— Добрый вечер, Алена, — говорит мягкой, расслабленной интонацией. Мне даже на секунду кажется, что он улыбается сейчас в трубку.

— Добрый вечер, Ярослав Викторович.

— Не поздно я вам звоню? Не разбудил?

Его улыбка передается мне через телефон, и уголки моих губ тоже непроизвольно ползут вверх.

— Нет, не разбудили.

— Ну хорошо, а то я переживал, что уже позднее время. Извините, что сразу не ответил на ваше сообщение, был очень занят.

— Ничего страшного. Спасибо, что не забыли и перезвонили.

Наш обмен любезностями расслабляет меня еще больше. Рука, в которой я держу смартфон, больше не дрожит. Мой голос ровный, уверенный, как будто я разговариваю со старым другом.

— По поводу вашего вопроса, — переходит к делу. — Проекты еще не отобраны, по крайней мере мне неизвестно о том, чтобы был готов список конкретных мероприятий. Выдвигались разные предложения, но ни о чем конкретном договориться не удалось.

Мое хорошее и расслабленное настроение летит к чертям. Он только что зарубил мне тему на завтра, и мне снова будет нечего предложить Яне.

— Но есть кое-что другое, — с энтузиазмом продолжает Никольский. — Возможно, вам как журналисту будет интересно об этом написать.

— Что именно? — спрашиваю похоронным голосом.

— Сегодня министерство юстиции прислало нам на согласование поправки в кодекс об административных правонарушениях. Там много всего. Например, они предлагают увеличить штрафы малому бизнесу. Вам это интересно?

Я понимаю, что Никольский сейчас предлагает мне куда более крутую тему, чем я у него спрашивала. Ведь заголовок «Власти хотят повысить штрафы для малого бизнеса» очень хорошо зайдет.

— Да-да, конечно, интересно! — восклицаю, пожалуй, с излишним возбуждением. — А за какие конкретно нарушения хотят повысить штрафы? До какого уровня?

Я в два шага преодолеваю расстояние до письменного стола. Зажимаю телефон плечом и готовлюсь записывать за Никольским в блокнот.

— Там много всего, я пришлю вам документ. Но если коротко, то за торговлю немаркированными товарами, за продажу алкоголя лицам, не достигшим 18 лет...

Дальше я уже не слушаю. В моей голове жирным красным цветом загорается новый заголовок: «Супермаркетам хотят повысить штрафы за продажу алкоголя несовершеннолетним». А это, на минуточку, может стать новой сенсацией.

— Алена, вы тут? — вырывает меня из размышлений голос Никольского.

— Да-да, Ярослав Викторович, я вас внимательно слушаю.

— Я вам сейчас пришлю в Телеграме все поправки Минюста.

— Отлично! Спасибо! Я обязательно напишу об этом статью. Я правильно понимаю, что на вас мне лучше не ссылаться?

— Да, конечно. Я ваш анонимный источник, — на последних словах он издает смешок.

— Спасибо большое, Ярослав Викторович, — произношу тихо и искренне. — Вы мне очень помогли.

— Всегда рад, Алена, — чувствую, что он снова улыбается. — С нетерпением буду ждать вашу статью.

— Спасибо, — повторяю.

— Спокойной ночи.

— И вам спокойной ночи.

Я кладу трубку и с чувством невероятного счастья падаю на кровать. Прикрыв глаза, я снова и снова воспроизвожу в голове наш разговор, честно признавшись самой себе, что мне чертовски нравится его голос. Даже появляется желание достать диктофон и переслушать наше интервью. Просто, чтобы насладиться его мягкой, бархатистой интонацией.

Смартфон, который я продолжаю сжимать в руке, коротко вибрирует, и на экране загорается сообщение от Никольского. Он прислал файл. Тут же открываю диалог и вижу документ с поправками. Ярослав Викторович онлайн, поэтому я решаю еще раз его поблагодарить.

«Спасибо вам большое»

«Не за что, Алена. Уверен, у вас получится хорошая статья»

«Только благодаря вам»

«Вы преувеличиваете. Спокойной ночи»

«И вам»

Не успеваю отложить телефон в сторону, как тут же приходит смс от Кости.

«Не могу тебе дозвониться. С кем ты так долго болтаешь?»

Я прямо слышу это возмущение, которым сочится его голос, будто Костя стоит тут рядом. Закатив глаза, отбрасываю айфон на подушку и направляюсь в ванную. Вот уж кто-кто, а Костя может подождать.

Глава 10.

Следующим утром я появляюсь в редакции в прекрасном настроении и с улыбкой до ушей.

— Какая у тебя на сегодня тема? — тут же кидается с грозным вопросом Яна, когда я подхожу к своему компьютеру.

— И тебе привет.

— Привет, — бурчит под нос.

Очевидно, Яна сегодня без настроения. Так иногда бывает. Может, с парнем своим поссорилась или главный редактор на нее сильно наседает. Приглядываюсь к начальнице — не накрашена. Ну точно не с той ноги сегодня встала.

— Минюст подготовил поправки в кодекс об административных правонарушениях. Предлагают увеличить штрафы для малого и среднего бизнеса.

— За что?

— Из самого интересного: за продажу алкоголя несовершеннолетним.

Яна наконец-то отрывает взгляд от монитора и поворачивает голову ко мне. Прищуривает глаза.

— У меня есть документ, — добавляю.

— От кого?

— От Никольского, — произношу с гордостью.

— Всем доброе утро! — пролетает мимо нас Паша. Плюхается на свое кресло. — Что обсуждаете?

— Никольский прислал мне поправки Минюста в КоАП. Они хотят повысить штрафы для малого бизнеса.

— Ммм, — тянет Паша. — Звучит вкусно. Возьмешь меня в соавторы?

— Обойдешься! Это только мой эксклюзив.

Под Пашин смех я нажимаю кнопочку на моноблоке и жду, когда загрузится компьютер.

— Алена, а ты разве не про проекты премьер-министра у него спрашивала? — уточняет Яна.

— Да, но Никольский сказал, что проектов еще нет.

— И после этого ты спросила про КоАП?

— Нет, он сам предложил мне эту тему. Спросил, не будет ли мне интересно об этом написать.

Я стараюсь говорить ровно, но гордость так и прет из меня.

— Вот сам взял и предложил? — не унимается начальница.

— Да, Яна. Сам мне предложил.

— И тебя ничего не смутило?

Вбиваю пароль от учетной записи на компьютере и поворачиваюсь на кресле к ней.

— А что меня должно было смутить?

— Что он ни с того ни с сего сливает тебе документ другого министерства.

— А почему меня должно было это смутить? — не понимаю, к чему она клонит.

— Да потому что он хочет замочить твоими руками министерство юстиции! — рывкает. — Или ты думала, Никольский дал тебе поправки за твои красивые глаза?

Я сижу в ступоре, не зная, как реагировать на услышанное. Яна переводит дыхание и продолжает более спокойно:

— Алена, запомни раз и навсегда: ни один чиновник не будет просто так что-то говорить или давать журналисту. Каждый чиновник говорит журналисту только то, что ему выгодно. В данном случае Никольскому было выгодно слить тебе законопроект министерства юстиции.

— Но в чем его выгода? — все еще не понимаю.

— Да в чем угодно, — подает голос Паша. — Может, он не ладит с министром юстиции и решил таким образом его замочить. Кризис, малый бизнес еле выживает, а они еще и штрафы для него хотят поднять. Представляешь, как после твоей статьи завтра все будут ненавидеть Минюст?

Кажется, до меня начинает доходить. Министерство экономики выступает за развитие малого бизнеса в стране. По-моему, президент даже ставил Минэку цель по увеличению количества малых предприятий. Эта цель ставилась еще Савельеву, но по наследству перейдет к Никольскому. И, конечно, любые ужесточения для малого бизнеса негативно отразятся на его работе.

— И что мне теперь делать? — недоуменно верчу головой между Яной и Пашей. — Не писать об этом?

— Пиши, конечно, — говорит Яна. — Новость сама по себе громкая и интересная. Но просто в следующий раз, когда добрый дядя министр будет тебе что-то предлагать, задайся вопросом, а какой у него мотив.

— Мотив? — переспрашиваю. — Я думала, что...

Замолкаю. А что я думала? Что раз взяла у него интервью, мы теперь друзья? Боже, какая я глупая и наивная. Действительно, с чего ему мне помогать? Он не знает обо мне ничего, кроме имени.

— Алена, не только журналисты используют спикеров в своих целях. Часто спикеры тоже используют журналистов. В данном случае Никольский просто захотел замочить твоими руками Минюст. Так бывает. Но ты все равно молодец, это хороший эксклюзив. Завтра мы выстрелим с новостью о повышении штрафов. Начинай писать статью.

Яна возвращается к компьютеру, а я еще несколько минут пребываю в недоумении. В душе появляется гадкое чувство, какое бывает, когда ты понимаешь, что тебя использовали. Позвонил мне ночью, любезничал, улыбался в трубку, а на самом деле...

А на самом деле поюзал меня! Чтобы моими руками замочить другое министерство!

— Я не хочу писать эту статью, — резко заявляю.

— Не хочешь писать сенсацию о том, что магазинам собираются повысить штрафы за продажу алкоголя несовершеннолетним? — уточняет Яна, не отрываясь от монитора.

— Да.

— Хорошо. Паш, напишешь?

— С удовольствием, — отвечает.

— Зачем нам об этом писать, если Никольский просто нас использует!? — взрываюсь таким криком, что на меня оборачиваются даже сотрудники других отделов.

— За тем, что это громкая новость, Алена, — безэмоционально парирует Яна.

— И что? Нас используют, как сливной бачок!

Начальница тяжело вздыхает и снова поворачивается на кресле в мою сторону.

— Алена, сегодня использовали тебя, а завтра будешь использовать ты. Так устроена наша работа. Нарой что-нибудь про министерство экономики и замочи Никольского, раз тебе обидно, что он использовал тебя в качестве сливного бачка.

Я больше ничего не говорю и принимаюсь писать статью. Через пять минут после того, как я отправляю запрос в министерство юстиции, мне звонит пресс-секретарь и, колотясь в истерику, требует немедленно сказать, откуда у меня документ. Самое смешное в моей ситуации, что я не могу выдать Никольского. Я обязана гарантировать источнику его анонимность. Даже если этот источник использует меня как сливной бачок, черт его дери.

И да, утром я снова просыпаюсь знаменитой, потому что новость о возможном повышении штрафов рвет все информационное пространство. Но это не приносит мне радости. Я

приезжаю на работу разбитой и без настроения, потому что всю ночь не спала и думала, как мне действовать дальше.

«Доброе утро, Алена. У вас получилась очень хорошая статья»

Такое сообщение приходит мне почти в 11 утра от Никольского. Мой первый порыв написать ему что-то вроде «Ну как там ваша аппаратная война с министром юстиции? Получилось его замочить?», но я себя сдерживаю. Поразмыслив с минуту, иду ва-банк и печатаю:

«Доброе утро, Ярослав Викторович! Спасибо Вам большое! Вы мне очень помогли, и я теперь Ваша должница. Могу ли я в знак благодарности пригласить Вас на кофе?»

Меня передергивает от «вы» с большой буквы, но я пишу так специально. Отправляю и замираю. Сердцебиение ускоряется до скорости света. Через пару десятков секунд мне прилетает:

«С удовольствием. Как насчет вечера субботы?»

Губы растягиваются в победоносной улыбке.

Глава 11.

— Зай, я на выходных поеду с семьей на дачу. Ты же не против?

Мы с Костей лежим голые у меня в комнате. Быстрый секс, пока не пришла с работы моя соседка. Я злая и неудовлетворенная, потому что дергалась от каждого шороха, доносящегося из подъезда, думая, что это Аня.

— Не против, — безразлично отвечаю.

На самом деле не так уж я и не против. От претензий меня удерживает только тот факт, что в субботу вечером я встречаюсь с Никольским. Но, конечно, меня задевает, что Костя не делает мне приглашения поехать на дачу с его семьей. Это потому что я — провинциалка — не нравлюсь его семье коренных москвичей в пятом поколении.

Я знаю, что Костина мама постоянно подсовывает ему дочку своей знакомой. Она даже пригласила ее на Костин день рождения без его ведома. Мы сидели с друзьями в ресторане, как вдруг пришла ОНА — Мариночка, единственная дочка подруги его мамы, москвичка из уважаемой семьи профессоров.

— Кто еще будет на даче? — интересуюсь, стараясь не выдать своей обиды.

— Мамина подруга с мужем и дочкой и все.

— Понятно.

— А у тебя какие планы на выходные?

— Буду соблазнять министра.

— Зай, я серьезно, — резко ко мне поворачивается.

— Я тоже, — поднимаюсь с кровати и накидываю на себя шелковый халат. — Я в душ, скоро Аня придет.

В ванной у меня не получается сдержать слезы обиды. Сколько раз я запрещала себе плакать из-за отношения ко мне Костиной семьи — и все-таки не могу. Опускаюсь лбом на кафельную плитку и всхлипываю.

Дверь ванной открывается, отодвигается шторка и Костя обнимает меня со спины.

— Знаешь, а мне даже приятно, что ты меня ревнуешь, — смеется на ухо. — Ален, если бы я хотел быть с Мариной, то давно бы с ней был. Я знаю ее с детства.

— Угу.

— Я тебя люблю, — целует меня в шею.

— Я не нравлюсь твоей семье, потому что я не москвичка. Скажи уже мне честно.

Костя вздыхает.

— Моя семья не понимает, какая ты замечательная. Но мне по фиг, что они думают. Я тебя люблю.

Он принимается целовать меня и водить руками по моему телу.

— Кость, скоро Аня придет, — сбрасываю с себя его ладони.

— Ну и что.

— Как это ну и что? — рявкаю со злостью. — Хочешь безлимитный секс — сними нам квартиру! Ах да, ты же еще не готов жить вместе! Извини, я забыла. Или подожди. Тебе, наверное, мамочка не разрешает со мной жить? А трахаться со мной она тебе разрешает?

— Ален, хватит! — тоже повышает голос.

Резким движением отодвигаю шторку и вылезаю из ванны. Обматываюсь полотенцем и мокрыми ступнями шлепаю до своей комнаты. Наспех вытеревшись, одеваюсь.

В комнату с перевязанным на бедрах полотенцем заходит Костя.

— Ты взял Анино полотенце!

— Ты не сказала, где твое.

— Мое было на мне.

Костя отбрасывает в сторону чужое полотенце и натягивает трусы.

— Ален, я веду переговоры с родителями, чтобы они отдали мне одну квартиру.

Я замираю, подняв на плечи лямки лифчика. Медленно поворачиваюсь к Косте.

— Какую квартиру?

— У моих родителей есть еще две квартиры, но они их сдают. Я сейчас с ними обсуждаю, чтобы одну квартиру отдали мне, и тогда мы с тобой смогли бы туда переехать. Я не говорил тебе, потому что пока не о чем говорить. У них договор аренды с квартирантами, ну и в принципе это дополнительный доход, поэтому они не очень хотят отдавать мне квартиру, но я все равно их дожду, и мы будем вместе жить. — Костя подходит ко мне и кладет руки на талию. — Зай, ты только не сердись.

— А почему мы не можем просто снять квартиру?

— Зачем платить деньги чужим людям, если у меня есть жилье?

— Не у тебя, а у твоих родителей.

— Какая разница?

— Большая.

Костя закатывает глаза.

— Зай, хватит уже ругаться. У нас все будет хорошо.

В этот момент хлопает входная дверь и раздается Анин крик:

— Аленка, привет!

Ну вот сейчас еще извиняться перед подругой за ее полотенце. Я быстро натягиваю на себя футболку с леггинсами и иду встречать подругу.

— Привет, — выхожу в прихожую. — У меня Костя.

— Ой, — осекается. — Ты бы сказала, я бы тогда задержалась.

— Ты не должна задерживаться. Он случайно взял в ванной твое полотенце. Извини, я постираю.

— Да все нормально.

В этот момент из моей комнаты выходит одетый Костя.

— Привет, Ань.

— Привет, Кость. — Переводит взгляд на меня. — Вы ужинали?

— Еще нет.

— Может, роллов закажем?

— А как же твоя диета? — язвлю.

— Рис и рыбу можно, — отмахивается и проходит в свою комнату.

— Я закажу, — смеюсь, говорит Костя.

Через сорок минут мы сидим все вместе на кухне и едим роллы. Появление подруги и ее рассказы о работе в пиаре слегка поднимают мне настроение, но все равно на душе остается гнетущее ощущение.

Ни о чем Костя не договорится со своими родителями, и так это все и будет продолжаться.

Глава 12.

«Буду ждать вас завтра в 18:00 в ресторане White Rabbit»

Никольский присылает мне это сообщение ровно за 24 часа до нашей встречи. В пятницу в 18:00.

«Хорошо, до завтра»

«До завтра»

Открываю поисковик на рабочем компьютере и забиваю название ресторана. Я слышала его раньше, но никогда не была. Когда я вижу 3D-карту заведения, дух захватывает от его роскоши. Ресторан находится на 16 этаже, панорамные окна открывают прекрасный вид на Москву и сталинскую высотку МИДа. Очевидно, что тут очень дорого и очень пафосно.

Смотрю меню. От стоимости салатов глаза на лоб лезут. Боже, вот зачем выбирать такой ресторан? Никольскому с его уровнем дохода, может, тут и не дорого, но для меня — вчерашней студентки — цены просто заоблачные.

— Чего сидишь? Иди домой, — обращается ко мне Яна, не отрываясь от экрана компьютера.

— Кхм, — неуверенным жестом поправляю волосы. — Ян...

Начальница поворачивается ко мне в полоборота.

— Я завтра в шесть вечера встречаюсь с Никольским.

Ее брови ползут вверх.

— Я предложила ему попить кофе, — быстро добавляю. — Он согласился.

— Правильно, — кивает.

— Это будет моя первая встреча с источником... — мнусь. — Как себя вести? Что говорить? И кто должен платить? Он выбрал очень дорогой ресторан.

— Платить должен он, — категорично заявляет.

— Почему он?

— Потому что у нашей редакции нет бюджета на представительские расходы.

— А нельзя, чтобы каждый сам за себя?

— На таких встречах обычно платят они.

«Они». Для Яны источники, спикеры, пиарщики — это отдельная категория людей, которых она обозначает просто местоимением «они». И «у них» всегда есть бюджет на представительские расходы.

— Но у государственных бюджетных учреждений, включая министерства, тоже не бывает отдельной статьи расходов на встречи в ресторанах.

— Ален, ну принято, что за журналистов все и везде платят. Просто прими этот факт и наслаждайся. Тем более, он мужик, а ты девушка.

Я еще не на встрече с Никольским, а мне уже ужасно неловко. Я всегда чувствовала себя неудобно, когда кто-то за меня платил. С Костей поначалу тоже так было, но потом я привыкла. Да и в принципе это нормально, когда парень платит за свою девушку, но вот как быть во время деловой встречи с контрагентом?

— Так, ладно, — решаю не спорить с Яной по поводу оплаты счета. — Какие вопросы мне ему задать? Я накидала примерный список. Все-таки хочу узнать про проекты премьер-министра, он говорил, что озвучивались какие-то идеи, хоть решение и не принято...

— О таком на первой встрече спрашивать нельзя, — перебивает меня.

— А о чем спрашивать? — удивляюсь.

Яна вздыхает.

— Учить тебя еще и учить, — бурчит. — Ален, тебе нужно установить с ним доверительный контакт и ни в коем случае не спугнуть его. Сразу сходу спрашивать, какие новые

законы он будет готовить, — это все равно, что на первом свидании лезть в трусы. Вот представь, что парень на первом же свидании засовывает к тебе в трусы свою грязную руку, тебе это понравится?

— Н-нет, — чувствую, как краснею от такого сравнения.

— Вот и Никольскому не понравится, если ты на первой же встрече начнешь бомбить его вопросами о новых законопроектах.

— О чем же мне тогда с ним говорить? — удивляюсь.

— А вот тут уже следует владеть искусством small talk. Это должна быть непринужденная встреча в расслабленной обстановке. Тебе нужно подружиться с ним. Представь, что встречаешься со старым приятелем. Побольше шути, смейся, дай ему почувствовать себя обычным человеком рядом с тобой, а не информационным ресурсом. Он не должен думать, что ты встречаешься с ним только ради того, чтобы выкачать из него информацию.

— А то он этого и так не понимает.

— Может, и понимает, но ты все равно должна сделать так, чтобы он не чувствовал, будто ты его используешь.

Хмыкаю про себя. Еще кто кого из нас двоих использует. Пока что он меня поюзал, а не я его.

— Хорошо, я поняла.

— Удачи.

Я выключаю компьютер и направляюсь на выход из редакции, но еду не домой, а в торговый центр. Я перебрала весь свой гардероб, но так и не нашла подходящей одежды для встречи с Никольским. Первый и единственный раз он видел меня одетой, как на панель. В чем теперь я должна перед ним предстать?

Если я надену деловой костюм, наверное, это будет выглядеть глупо. К тому же Яна сказала, что наше общение должно быть неформальным, а строгие брюки и рубашка будут напоминать Никольскому о том, что это не дружеская встреча, а рабочая. Приходить в джинсах в такой пафосный ресторан тоже странно.

Я провожу в торговом центре не меньше трёх часов прежде, чем нахожу подходящее платье. Бледно-розовое на пару сантиметров выше колен, с квадратным вырезом на груди. Элегантное и в меру строгое, обтягивающее фигуру. Последний пункт немного напрягает, учитывая, что и на интервью я приходила в платье в обlipку, но оно было без бретелей и едва закрывало ягодичы. А поверх этого платья можно будет надеть пиджак.

Придя домой, я начинаю прокручивать в голове возможные сценарии разговора. Я понятия не имею, на какие отвлеченные темы можно общаться с министром. Поговорить о новинках кино? Спросить, какую музыку он слушает? Есть ли у него хобби?

Я вспоминаю, что в биографии Никольского, которую повесили на сайт министерства экономики, было написано, что он профессионально играет в бейсбол. Забиваю в поисковике «бейсбол», открываю Википедию и принимаюсь читать историю и правила этой игры. Уже через несколько абзацев хочется закатить глаза и закрыть страницу.

Но делать нечего, и я продолжаю читать дальше про правила игры, пытаюсь вникнуть, кто такие питчер, бэттер, а также что такое «базы», «болл», «страйк-аут», «форс-аут» и много чего еще.

Вот почему он не увлекается футболом, где все правила известны и понятны?

Меня то и дело охватывает невроз, и сердце начинает заходиться ускоренным биением. Последний раз я испытывала подобное на собеседовании при поступлении на журфак МГУ. Я провинциалка из Ростовской области приехала поступать в лучший вуз России. Несмотря на то, что я очень хорошо сдала ЕГЭ, шансов пройти вступительное испытание в МГУ почти не было.

Всю ночь перед собеседованием я не спала, а утром меня еще и стошнило от волнения. Я сидела перед комиссией из пяти человек и отвечала на вопросы из разряда, как зовут спикера Госдумы, в чем разница между законом и законопроектом, что такое Бюджетный кодекс, сколько в России ветвей власти и как они называются. За собеседование я получила максимальный балл. Просто поверить не могла, когда увидела результаты.

Вот и этой ночью я ворочаюсь с одного бока на другой. Сна нет ни в одном глазу. Беру в руки телефон, открываю наш с Никольским диалог в Телеграме и нажимаю на его фотографию. Рассматриваю. Уверенный в себе молодой успешный мужчина. 35 лет и уже министр. Все-таки очень интересно, кто стоит за его назначением.

Красивый. Да, черт возьми, он охрентительно красивый. А голос у него такой, что хочется просто закрыть глаза и слушать. Даже странно, что Никольский не женат. Неужели за 35 лет его жизни не нашлось хитрожопой девицы, которая бы его охомутала?

Впрочем, может, он живет с кем-нибудь. Может, у него только официально жены нет. Не женат — не значит одинок.

Я сама не замечаю, как проваливаюсь в сон с телефоном в руке. Утром меня будит будильник. На удивление я чувствую себя отдохнувшей и выпавшейся. Неспешно завтракаю и иду в салон красоты. Меня ждут сеансы маникюра, педикюра и коррекции бровей. Вернувшись домой, я набираю ванну с пеной и тщательно натираю тело различными скрабами.

В какой-то момент я ловлю себя на мысли, что даже на первое свидание с Костей я собиралась не так тщательно. По крайней мере я точно не покупала для этого новое платье и не ходила в салон красоты. И не наносила на тело специальный тальк, который делает кожу бархатной и шелковистой. Можно подумать, Никольский будет ко мне прикасаться.

— Ален, а ты куда так собираешься? — удивленно смотрит на меня Аня, когда я стою у зеркала в прихожей и кручу плойкой кудри.

— На деловую встречу.

— С кем?

— С мужиком с работы.

— С каким мужиком? — прищуривает любопытные глаза.

— Он новый министр. Я про него пишу.

Аня приваливается плечом к дверному проему в свою комнату и скрещивает на груди руки.

— Интересненько. Ты не рассказывала.

Аня тоже окончила журфак МГУ и была моей однокурсницей. Но еще на третьем курсе она пошла на практику в пиар-службу айти-компании и там и осталась. Хоть в ее дипломе и стоит специальность «журналист», по профилю Аня не работала ни дня в своей жизни, поэтому новости вроде того, что в России сменился министр экономики, обходят ее стороной.

— Да Савельева моего отправили в отставку, а вместо него назначили нового. Вот еду с ним на встречу. Накрасишь меня?

Аня окончила курсы визажиста и умеет делать профессиональный макияж.

— Только мне надо максимально неброско, — добавляю, вспомнив, что в нашу первую встречу с Никольским я предстала перед ним с наклеенными ресницами и красными губными.

— Да, без проблем. И прическу могу сделать.

Просить еще и об этом я постеснялась.

— Спасибо, что предложила. Да, давай. Можешь собрать мне волосы?

— Ага.

Я сажусь на стул перед зеркалом, а Аня принимается докручивать мне локоны плойкой. Затем она собирает их на затылке в элегантную прическу. Еще через 40 минут подруга завер-

шает делать мне макияж. На глазах аккуратные чёрные стрелки, светло-коричневые тени, тушь. На скулах немного бронзовых румян, а на губах едва заметная помада пастельного тона.

— Класс, — констатирует Аня.

— Да, спасибо, — отвечаю, разглядывая себя в зеркале.

— А в чем ты пойдёшь? — любопытничает.

— Я платье купила.

— Покажи!

— Да, сейчас переоденусь.

Я удаляюсь в свою комнату, скидываю шелковый халатик, надеваю недавно купленный комплект нижнего белья, который еще не носила (Боже, как будто Никольский будет знать, какие на мне трусы!), новое платье, сверху черный пиджак и лаковые чёрные лодочки на шпильке.

— Что скажешь? — выхожу в прихожую к подруге.

Аня широко распахивает глаза и приоткрывает рот.

— Аленка, ты офигенно выглядишь! Твой министр потечёт, когда увидит тебя.

— Что ты такое говоришь! — отмахиваюсь.

— Серьезно. Он молодой?

Я медлю несколько секунд, не зная, что ответить.

— Молодой... — признаюсь.

Аня прихлопывает в ладоши.

— А Костя знает, что ты в таком виде собралась на встречу к какому-то министру?

Больной вопрос. Костя мне сегодня несколько раз писал, но я отвечала ему односложно. Даже думать не хочу, что прямо сейчас мамочка попытается свести его с дочкой своей подруги.

— Не знает.

— И не надо ему знать!

— Ладно, Ань, спасибо, что помогла с макияжем и прической, я уже поеду.

— Ну всё, все эксклюзивы теперь твои, Аленка.

— Хватит! Все, я пошла, пока.

— Пока!

Накидываю на плечо маленькую сумочку на длинной цепочке и выхожу в подъезд, параллельно вызывая такси. До ресторана ехать 20 минут, я буду там ровно в 18:00. Надеюсь, мне не придется ждать Никольского. По дороге на смартфон приходит сообщение от Яны:

«Удачи и помни, что нельзя лезть в трусы на первом свидании!»

Вот зачем мне это писать!? Я и так на взводе, что впору глотать валерьянку, а еще эти шуточки!

«Яна!!!!!»

«Не бойсь!) Заставь молодого и неженатого министра забыть о том, что он для тебя источник информации, и сделай так, чтобы он почувствовал себя рядом с тобой особенным)»

«Обязательно»

Засовываю телефон обратно в сумочку и отворачиваюсь к окну. Когда автомобиль высаживает меня у нужного здания, сердце уже вовсю бьется о рёбра. Чувство — как будто я иду на казнь.

«Спокойно, Алена, это всего лишь деловая встреча», напоминаю себе.

Фойе, лифт, кнопка 16 этажа. Пока еду вверх, еще раз оглядываю себя в зеркале.

«Черт, все-таки я одета *слишком*».

— Вы бронировали столик? — встречает меня улыбающаяся девушка, когда я выхожу из металлической кабинки.

— Меня должны ожидать.

— На чьё имя столик?

— Эээм... — запинаясь. — Наверное, Ярослав Никольский.

— Пойдёмте, я вас провожу.

Я следую за девушкой и из коридора попадаю в большой светлый зал с огромными панорамными окнами на всю стену. Да тут еще круче, чем в 3D-туре на их сайте. Вид открывается шикарный. И сталинская высотка МИДа все-таки такая красивая...

Но все мысли разом вылетают из головы, когда я вижу ЕГО. Ярослав в белоснежной рубашке, расстёгнутой на пару верхних пуговиц, сидит за столиком у панорамного окна и говорит по телефону. Замечает меня, коротко что-то бросает собеседнику и кладёт трубку.

— Ваш столик, — объявляет девушка-хостес и тут же удаляется.

— Здравствуйте, Ярослав Викторович, — выдавливаю с нервной улыбкой, смотря на него во все глаза.

Господи Боже мой, как мне не грохнуть в обморок прямо сейчас тут при нем?

Никольский проходится по мне замороженным взглядом вверх-вниз и обратно, поднимается со стула и, расплывшись в ослепительной голливудской улыбке, делает шаг вперед.

— Привет, Алена, рад тебя видеть, — опускает ладонь на мою талию и, обдавая меня шлейфом своего умопомрачительного запаха, целует в щеку.

Глава 13.

ЯРОСЛАВ

Девчонка напряглась и вытянулась, как струна. Под моей ладонью ее пиджак и платье, но я все равно чувствую, что она задержала дыхание и будто одеревенела.

— И я рада вас видеть, Ярослав Викторович, — нервно тараторит.

Не могу сдержать улыбки. Такая она милая и забавная, когда стесняется.

Отодвигаю ей стул, чтобы присела. Она явно такого не ожидала, потому что смотрит на меня в растерянности. Но быстро берет себя в руки и опускается. Я сажусь напротив.

Пожалуй, сейчас она переживает еще больше, чем на интервью. Перед ней лежит меню, но она даже не прикасается к нему. Блуждает глазами по интерьеру ресторана, и я догадываюсь, что делает это, чтобы лишний раз не смотреть на меня.

— Я не уточнил, какую кухню ты любишь, но тут обычная европейская и довольно неплохие морепродукты, — первый начинаю разговор и открываю меню.

— Все в порядке, — быстро мне улыбается и тоже берет его в руки.

На самом деле мне не нужно листать меню, я прекрасно знаю всю кухню заведения, поэтому, когда девчонка наконец-то опускает глаза к ассортименту блюд, внимательно смотрю на нее.

Длинные черные волосы сейчас собраны в прическу, макияж на лице естественный, а не как в нашу первую встречу. Одета в меру нарядно и в меру строго. Платье почти до колен, еще и пиджак сверху. Без красной помады, наклеенных ресниц и шляховатого наряда она намного красивее и сексуальнее. Интересно, почему в нашу первую встречу она была так одета. Однажды я обязательно задам ей этот вопрос. Но не сейчас, чтобы лишний раз не смущать.

А еще она из той категории женщин, которые не любят, когда недооценивают их умственные способности. Ее оскорбляет сексизм, и она изо всех сил старается доказать, что на что-то способна. Помню, как из нее перло возмущение, когда поначалу я стал разговаривать с ней, как с дурочкой. Просто весь внешний вид девчонки говорил о том, что она недалекого ума. Но уже через несколько минут я понял, что недооценил ее.

Впрочем, Алена, может, и не глупа в науках, но манипулировать ею все равно легко.

— Определились? — словно из ниоткуда возникает официантка, отрывая меня от Алены.

— Для меня филе миньон, салат с камчатским крабом, а потом черный чай, — диктую.

Официантка быстро записывает в блокнот и поворачивается к Алене:

— А для вас?

Девчонка захлопывает меню.

— Мне просто кофе, — переводит взгляд на меня. — Я не голодна, — поясняет.

— Принесите девушке салат с креветками и равиоли с крабом, — делаю заказ за Алену.

— Но я не голодна! — тут же возмущается.

Я даже не обращаю внимания на ее протест.

— Девушке, как я сказал, — твердо говорю официантке. Она кивает головой и быстро удаляется.

— Ярослав Викторович, но я правда не хочу...

— Давай уже на «ты»? — перебиваю ее. — Ярославом Викторовичем меня называют мои подчиненные.

Осекается. Нервно держится пальцами за край стола в белой скатерти и снова не знает, куда деть глаза. Ее мобильник коротко пиликает, она бросает взгляд на экран, слегка прищуривается и недовольно поджимает губы. Берет смартфон и убирает его в сумочку.

Эта манипуляция занимает пару десятков секунд, но их хватает, чтобы, подняв на меня лицо, ответить с уверенностью:

— Да, давай на «ты». Тут жарковато, — и на этих словах она расстегивает пуговицы пиджака, снимает его с себя, открывая моему взору грудь, и вешает на спинку стула.

Эта быстрая манипуляция тут же заводит меня. Алена до одури сексуальная, желание разложить ее прямо на столе возникло еще на интервью, но сейчас оно даже сильнее.

Кто же ей там написал, что за считанные мгновения из забитой овечки она превратилась в уверенную девушку? Но кто бы это ни был, спасибо ему. Такой она мне нравится больше.

— В твоей биографии на сайте министерства было написано, что ты увлекаешься бейсболом. Это так необычно. Почему бейсбол?

Что?

Теперь моя очередь растерянно смотреть. Даже не знаю, что меня удивляет больше: что впервые за последние несколько лет кто-то задает мне вопрос про бейсбол или что первый вопрос Алены не связан с работой. Признаться честно, я ожидал, что у нас сейчас будет второе интервью.

— Затрудняюсь ответить, — честно отвечаю.

— Ну как это? Я вот в детстве ходила на танцы, потому что мне это нравилось, у меня хороший слух и я умею чувствовать музыку. А ты почему стал играть в бейсбол?

— Мне в детстве подарили бейсбольную биту, — вспоминаю. — Я долгое время везде таскал ее с собой, пока мой дядя не предложил моей маме отдать меня на бейсбол.

Рассказываю это и сам не верю, что она решила начать разговор с чего-то личного, а не, например, с того, какие реформы я планирую готовить. Пока не могу понять: она специально меня отвлекает, чтобы потом я ей побольше выложил, или ей правда интересно узнать что-то обо мне. Думаю, все-таки первое.

— Я никогда не встречала человека, который бы играл в бейсбол. В американских фильмах видела эту игру, но даже не представляю, как в нее играть.

— На самом деле не сложно, там простые правила.

— И долго ты играл в бейсбол?

— С семи лет и до сих пор.

— До сих пор играешь? — удивляется.

— Да, стараюсь хотя бы пару раз в месяц.

— А с кем ты играешь? У тебя команда?

— Да, мои друзья, с которыми раньше играл профессионально. Сейчас мы уже просто, как любители.

— А в России этот вид спорта, вообще, развит?

— Ну так. Есть чемпионат России по бейсболу, команды ездят на международные соревнования. Ничего там, правда, не выигрывают, потому что уровень подготовки в России в разы хуже, чем на западе, но кто очень старается, того могут пригласить в европейский клуб. Или даже в американский.

— Тебя приглашали?

— Да.

— То есть, ты играл за границей?

— Нет, я отказался. Однажды мне пришлось сделать выбор между спортивной карьерой и корпоративной. Я сделал выбор в пользу корпоративной.

— Не пожалел?

— Я стал министром. Нет, не пожалел.

Она с пониманием кивает, но больше ничего не говорит, потому что официантка приносит нам салаты. Передо мной кладет с крабом, перед Аленой с креветками. Девчонка смотрит на тарелку в замешательстве.

— Если ты не будешь есть, то я тоже не смогу есть, поэтому голодная смерть министра экономики будет на твоей совести, Алена, — предупреждаю с улыбкой.

Она слегка смеется и берет в руки вилку. Накалывает одну креветку и отправляет в рот.
— Хорошо, раз таким образом я спасу министра от смерти, — говорит с иронией.
— Ты смеешься, а у меня сегодня было три совещания, причем первое в восемь утра.
— Ты работаешь по субботам? — удивляется.
— Да, у меня выходной только в воскресенье, и то не всегда.
— Тяжело быть министром, — сочувственно вздыхает и отправляет в рот еще одну креветку.

Могла бы спросить, о чем были совещания, но почему-то не делает этого.

— Сколько тебе лет? — задаю вопрос, который интересует меня с первой встречи.

— Двадцать два.

Я так и предполагал, но все равно удивляюсь.

— Ты только после универа?

— Да.

— Где училась?

— Журфак МГУ.

— Только бакалавриат?

— Да, в магистратуру не пошла.

— Почему?

— Хочу отдохнуть годик-другой, — вздыхает. — Ну и не хочу идти в магу на журфак МГУ, а куда идти, не знаю. Посмотрю по сторонам и решу. А может, вообще в магу не пойду. Сомневаюсь, что она мне пригодится.

Современный подход.

— А ты в Вышке учился, так ведь? — спрашивает, прожевав салат. — Кажется, этот вуз был указан в твоей биографии.

— Да, и в бакалавриате, и в магистратуре там отучился.

— В Вышку я бы, может, пошла в магистратуру, — задумчиво говорит, крутя в пальцах вилку. — Надо будет посмотреть, какие там программы.

Девчонка оказалась умнее, чем я думал. Сегодня она не будет задавать мне вопросы, которые ее на самом деле интересуют, решила сначала втереться ко мне в доверие. За смекалку ей пять баллов. Сексуальность плюс мозги — лучшее, что может сочетать в себе девушка. Тем интереснее мне с ней будет.

Глава 14.

ЯРОСЛАВ

Как я и предполагал, весь наш дальнейший разговор строится вокруг личных тем, и ни слова о работе. Алена раскрепощена, весела, легка в общении. Остроумно шутит и звонко смеется, когда что-то смешное рассказываю я.

Мне интересно, как долго она тренировала это перед нашей встречей, сколько возможных сценариев разговора прокрутила в голове, почему решила выбрать со мной «долгий» путь, а не прыгнуть с места в карьер. Но так мне даже больше нравится. Люблю растянуть удовольствие.

— Ты из Москвы? — спрашиваю Алену.

— Нет, — качает головой.

— А откуда?

— Из Ростовской области.

— Из какого города?

— Ой, — машет рукой. — Ты не будешь знать.

— Думаешь, у меня все настолько плохо с географией?

Алена мнётся. Мне кажется, что она не хочет называть свой родной город.

— Новочеркасск, — наконец-то говорит и утыкается в тарелку.

— Я прекрасно знаю этот город!

Резко вскидывает на меня удивленный взгляд.

— Да ладно? Откуда? Ты же москвич! — замечает с иронией.

Меня это даже немного оскорбляет.

— А ты думаешь, москвичи не знают городов в России?

— Кроме Питера, Сочи и Казани не знают.

— Да ну нет! — спорю. — По-твоему, москвичи такие тупые?

— Не тупые, а, наоборот, слишком продвинутые для того, чтобы ездить по России. Вы путешествуете только за границу, поэтому, например, итальянские города знаете намного лучше российских.

Не могу понять: она говорит обиженно или язвительно? Но в любом случае, кажется, я наступил ей на больную мозоль.

— За мои четыре года жизни в Москве, — продолжает, — я видела достаточно москвичей, которые не то что бы Новочеркасск не знают, даже о Ростовской области не слышали. Ну или путают Ростов-на-Дону с Ростовом Великим.

— Даже не буду спрашивать, где ты встречала таких тупых.

— А откуда ты знаешь Новочеркасск? — прищуривает глаза, будто все еще не верит, что мне действительно может быть знаком этот город.

— Мой отец служил там в армии. Рассказывал мне в детстве много историй.

— Например?

— Например, про известного маньяка, который там орудовал.

У Алены выпадает из рук вилка и со звоном летит на тарелку.

— Ты в порядке? — осторожно уточняю.

— Знаешь, раньше я переживала, что москвичи не знают Новочеркасск, а теперь вот встретила москвича, который знает о моем родном городе слишком много, и понимаю, что все-таки лучше, когда никто не знает.

Я громко смеюсь.

— А я бы хотел побывать в Новочеркасске. Пожалуй, наведаюсь в гости к министру экономики Ростовской области, а потом прокачусь до Новочеркасска. Там вроде не далеко.

Алена скептически фыркает.

— По итогам поездки могу дать тебе интервью, — добавляю.

По лицу девушки ползёт улыбка, хоть она упорно этого не хочет.

— Да ну тебя, — бросает в мою сторону смятую салфетку.

Два часа пролетели незаметно. Алена уже допивает кофе, поэтому я подзываю официантку и прошу счет. На этом моменте девчонка начинает заметно нервничать. Что-то мне подсказывает, что в ней проснулась феминистка, которая протестует против того, чтобы я за нее платил. Это вызывает во мне улыбку. Давно я не встречал девушек, которым было бы неловко, когда я за них плачу.

Алена продолжает нервно теревать ремешок сумочки, и когда мы спускаемся на лифте. На улице достаёт мобильник и открывает приложение для такси.

— Спасибо за ужин, — говорит с улыбкой.

— Я тебя отвезу.

На секунду теряется.

— Ой, да не надо!

— Пойдём, — опускаю ладонь на ее поясицу и слегка подталкиваю в сторону машины, которая припаркована в метрах двадцати.

От моего прикосновения Алена дергается, как от удара током. Лишний раз убеждаюсь, что ее уверенность в ресторане была заранее спланированной и натренированной, а на самом деле она жутко меня боится и стесняется. Снова губ касается снисходительная улыбка. Давно я не встречал скромных девушек.

— Это правда лишнее, — тараторит, но все же идёт рядом со мной.

— Алена, давай не будем тратить время на споры.

Открываю перед ней переднюю дверь «Кайена». Девчонка с опаской косится на белый салон автомобиля и, недовольно вздохнув, залезает внутрь.

— Говори адрес, — прошу, когда занимаю водительское кресло и завожу мотор.

— Слушай, я далеко живу. Тебе, наверное, будет неудобно...

— Алена, адрес, — повышаю голос.

Диктует улицу и номер дома. Забиваю в навигатор. Юг серой ветки метро, далеко за пределами Третьего транспортного кольца. Трогаясь с места, включаю радио.

Салон уже заполнил запах девчонки. Мне нравится, как она пахнет. Чем-то нежным. Вдыхаю поглубже.

— Почему ты решил перейти из банка на госслужбу? — вдруг спрашивает. — У тебя в биографии было написано, что ты работал аналитиком в зарубежных банках.

— Хороший вопрос. Знаешь, первые несколько лет в Минфине я очень жалел, что ушел из банка. Все-таки государственная служба — это определённый образ жизни, к которому я после частного банка готов не был. Ну и зарплата ниже, чем в банке. Потом привык.

— Так почему решил перейти из корпоративного сектора в государственный, да еще и на меньшую зарплату?

Я медлю с ответом, пытаюсь подобрать правильные слова. Отвечать честно я не буду.

— Ты можешь мне не поверить, но появилось желание поработать на благо страны.

Смеется, но тут же осекается.

— Извини, — добавляет.

— Не веришь? — выгибаю бровь.

— Что ты ушел из европейского банка на государственную службу ради блага страны? Не верю.

— А почему ты решила стать журналистом? — перевожу тему. — Работа не самая высокооплачиваемая, да еще и тяжелая.

— Ты можешь мне не поверить, но захотела нести людям правду.

Теперь моя очередь смеяться.

— Я серьезно, — обиженно.

Бросаю на Алену короткий взгляд и с удивлением понимаю, что она действительно серьёзна.

— И с чего вдруг ты захотела нести людям правду?

Вздыхает.

— Сложный вопрос. В детстве я видела много несправедливости. Моя мама работает воспитателем в детском доме, я часто приходила к ней на работу после школы, дружила с некоторыми детьми. Там были неплохие ребята, но из-за того, что нашему государству на них наплевать, многие пошли по кривой дорожке. Государство должно давать им квартиры, но, естественно, никто им ничего не даёт. Местные власти даже не могут ремонт в этом детском доме сделать. Ну и много всего такого, что меня возмущало. Я думала, что так только в регионах, но, когда переехала в Москву, стала помогать одному детскому дому, и поняла, что в столице не на много лучше. А еще я работаю волонтером в доме престарелых, и там все еще хуже. Ладно, не будем о грустном.

Я, поражённый рассказом, смотрю на профиль девчонки во все глаза.

— Зелёный загорелся!

Трогаюсь с места, только когда мне сигналият сзади. Несколько минут мы едем в молчании. Я не знаю, что сказать Алене. Она тоже молчит.

— Вот почему у нас такие низкие расходы на социальную сферу? — возмущённо спрашивает и поворачивается ко мне.

— На самом деле в России с социалкой все не так уж и плохо.

— Да ладно? Ты когда последний раз был в государственной больнице?

— У нас полностью бесплатная медицина, — спокойно отвечаю на ее упрёк. — Если тебя ночью прихватит аппендицит, ты вызовешь скорую, к тебе тут же приедут, бесплатно прооперируют и также бесплатно оставят лежать в больнице. А знаешь, что с тобой будет, если тебя прихватит аппендицит в Америке, когда у тебя нет медицинской страховки? А знаешь, сколько там стоит медицинская страховка?

Девчонка молчит, уставившись в окно.

— Все хотят, чтобы Россия была, как Америка, — продолжаю. — Окей, давайте отменим бесплатное высшее образование, сделаем полностью платную медицину и установим подходящий налог на уровне процентов 30-40. И Россия сразу станет, как Америка. Вы правда этого хотите?

— Ты передергиваешь, — поворачивает ко мне лицо.

— В России чуть ли не самые низкие налоги для граждан. Ты платишь в казну всего лишь 13 процентов от своей зарплаты. Взамен получаешь бесплатное среднее образование, бесплатное высшее образование и бесплатную медицину.

— Я плачу еще 20 процентов НДС, — ехидно замечает.

Киваю.

— Ну так и в США есть НДС, а медицина все равно платная.

— И все-таки расходы на социальную сферу в России могли бы быть выше.

— Могли бы, — соглашаюсь. — Но для этого придется повысить налоги.

Цокает и закатывает глаза.

— Ты типичный чиновник!

— Это комплимент или оскорбление?

— Констатация факта.

— А ты типичный борец за справедливость, которой нет.

Алена смеется и заметно расслабляется. Дороги на удивление пустые, поэтому я доезжаю до ее дома быстро. Обычная серая шестнадцатиэтажка в спальном районе Москвы.

— Первый подъезд, — говорит, когда я поворачиваю во двор.

Торможу и смотрю на нее.

— Спасибо за ужин, — слегка улыбается.

— Спасибо за интересную компанию. Ты удивила меня, Алена, — честно признаюсь.

— Чем же?

— Расскажу на следующем ужине, — я склоняюсь к ней и целую на прощанье в щеку.

Девчонка дергается от неожиданности и замирает на месте.

— Напиши, как поднимешься в квартиру.

Коротко кивает и спешит вылезти из автомобиля. В подъезд забегают, не оглядываясь на меня. Я еще стою некоторое время во дворе, вдыхая глубоко запах Алены, пока мне не сигналят сзади, чтобы я освободил проезжую часть.

Несомненно девчонке удалось удивить меня. Так даже сходу не могу вспомнить, встречали ли я когда-нибудь молодых девушек, которые волонтерят в детских домах и домах престарелых. Наверное, никогда не встречал. Те содержанки, что мне всегда попадались, думали только о себе и о том, как побольше бабла с меня выкачать.

Ухмыляюсь. Алене не нужны от меня деньги, ей от меня нужно кое-что важнее них. Информация. Поэтому в итоге девчонка все равно окажется для меня содержанкой. И не обычной, а элитной, потому что информация стоит очень дорого.

Но тем не менее, в копилку к ее сексуальности и мозгам добавляется доброта. Девчонка искренне верит, что может изменить мир к лучшему. Какая милая наивность. И это определенно меня заводит.

Глава 15.

ЯРОСЛАВ

Из мыслей об Алене меня вырывает звонок телефона. На экране загораются три буквы: Ира.

— Алло, — включаю громкую связь.

— Ты где?

Ни привет, ни как дела. А сразу: ты где?

— В машине.

— Так что сегодня в правительстве было?

Я закатываю глаза.

— Ир, вечер субботы. Расслабься, отдохни, выпей, в конце концов!

— Не съезжай с темы!

— Да ничего интересного, — нехотя отвечаю на ее вопрос. — Обсуждали бюджет на следующий год.

Динамик доносит до меня тяжёлый вздох Иры.

— Ир, все будет нормально, не переживай, — предпринимаю попытку ее успокоить.

— Ярик, мы в заднице, ты понимаешь это? Мне кажется, ты не понимаешь.

— Я все понимаю, — устало произношу. — Ты где сейчас?

— Дома.

— Я могу к тебе приехать?

— Конечно.

— Через 15 минут буду, — я отбиваю звонок и резко сворачиваю вправо, чтобы направиться к Самойловой.

Ира... Мой первый заместитель и человек, с которым меня многое связывает. Я знаю эту девушку почти всю жизнь, но она так и осталась для меня загадкой.

В детстве Ира была милой девчушкой с большими синими глазами. В юности она стала настоящей красоткой, на которую западали все парни подряд. Я не стал исключением. Мне тогда, кажется, было 23, а ей 17. Я писал Ире перед сном смски, водил в кино, целовал у подъезда и с нетерпением ждал, когда ей стукнет 18. У меня были грандиозные планы на ее совершеннолетие.

И вот наконец-то наступил июнь. У Иры день рождения. Я уже оплатил номер в крутой гостинице, купил ей подарок и с огромным букетом приехал на празднование. Весь вечер я терпеливо ждал, когда все напьются и наедятся, и я наконец-то смогу увезти Иру туда, где мы останемся вдвоём.

— Ты меня любишь? — спросила Ира в лоб, когда праздник закончился, и мы, проводив гостей, вышли из ресторана.

Мы стояли на тротуаре возле моей машины. Я уже схватился за ручку, чтобы открыть Ире дверь.

— Что? — не понял ее вопроса.

— Ты любишь меня, Ярослав? — повторила.

Несколько секунд я в недоумении смотрел на девушку, не зная, что ответить. Тогда слово «любовь» казалось мне чем-то из области фантастики. Я делил всех девушек на два типа: хочу завалить и не хочу завалить. Ира относилась к первой категории, поэтому я несколько месяцев, как порядочный джентльмен, ждал ее восемнадцатилетия.

Мое молчание слишком затянулось.

— Понятно, — Ира слегка приподняла уголки губ. — Так я и думала.

— Слушай, Ир... — начал и тут же заткнулся.

— Все в порядке, — опустила ладонь мне на плечо. — Ты хороший парень, Яр, но не для меня.

Я так и остался стоять на тротуаре, смотря вслед удаляющейся Ире, пока она не скрылась за поворотом.

После этого мы еще часто виделись, ведь Ира — младшая сестра моей лучшей подруги детства. Сначала мне на каждой встрече было неловко, я не знал, что сказать и куда себя деть, чувствовал себя то козлом, то мудаком, то все сразу. Но Ира была приветлива, улыбалась, интересовалась моими делами и всячески показывала, что, мол, все в порядке, Ярик, не переживай.

Потом сестра Иры уехала жить за границу, и мы почти перестали пересекаться, пока пять лет назад я не пришёл в Минфин, где уже работала Ира. И я не узнал ее при встрече. Она колоссально изменилась. Нет, не внешне. Свиду она осталась такой же: темные волосы и красивые голубые глаза.

Ира изменилась внутренне. От милой доброй девчушки не осталось и следа, теперь это был танк, который сносил все на своем пути. Сначала я смотрел на Иру и не мог поверить, что это та самая девушка, которая густо покраснела, когда я ее первый раз поцеловал. Но со временем я привык к переменам в ее характере, и мы сработались. Я был заместителем директора департамента, а Ира начальником отдела в моем прямом подчинении.

Мы никогда не обсуждали наши давние отношения. Да и что обсуждать? Мне тогда было всего лишь 23, а ей всего лишь 17. Помимо работы нас по-прежнему связывает ее сестра. Лиза с мужем и дочкой периодически приезжает в Россию, и мы видимся.

В итоге Ира стала чуть ли не единственным человеком на работе, которому я мог доверять. Не на сто процентов и не как самому себе, но, скажем так, от Иры я жду подвоха меньше, чем ото всех остальных.

Но иногда я думаю: переедет ли Ира меня на своем танке, если я однажды начну ей мешать? И, черт возьми, да, она переедет меня. Несмотря на то, что в юности была в меня влюблена.

Единственный раз, когда мы все-таки обсудили наши старые отношения, был два года назад. Ира выпила лишнего и зачем-то сказала мне, что я стал ее первой любовью и разбил ей сердце.

— В смысле ты меня любила? — изумился я. — Ты же так и не дала мне и сама меня бросила, — напомнил.

— Я хотела, чтобы ты любил меня в ответ. Но ты не любил, — ответила она.

На следующий день Ира протрезвела и сделала вид, что этого разговора не было. Я последовал ее примеру.

Я не особо в курсе подробностей личной жизни Иры. Сейчас у нее вроде никого нет, но это не точно. И я не знаю, кто в итоге стал у Иры первым и любил ли ее тот парень. Этот вопрос я никогда не задавал, хотя мне любопытно.

Я останавливаюсь у ворот элитной высотки в центре Москвы, они открываются, и я заезжаю во двор. Паркую автомобиль на свободном месте, набираю по памяти код от подъезда и избегаю по зеркально белому мрамору на третий этаж. Нажимаю звонок у двери по центру и жду, когда откроется. Через пару десятков секунд замок щёлкает.

— Привет, — Ира встречает меня с доброй улыбкой, что большая редкость для нее. — Проходи.

Глава 16.

ЯРОСЛАВ

Я переступаю порог Ириной квартиры, в которой был, наверное, сотню раз. Пока она закрывает дверь, я снимаю обувь и оглядываю на девушку. На ней темные спортивные штаны и футболка, волосы собраны в высокий хвост.

— Как дела? — спрашиваю, засовывая ноги в свои тапочки.

Да, у меня даже есть свои тапочки у нее дома.

— Так что в правительстве было? — поворачивается ко мне, уперев руки в боки. Радостную улыбку с ее лица уже, как ветром снесло. На мой вопрос она ответить нужным не считает.

— Может, сначала предложишь мне чай или кофе?

— Яр, хватит ходить вокруг, да около, — повышает голос.

— Ирочка, расслабься. Все хорошо.

— Ни черта не хорошо, — цедит сквозь зубы.

— Бюджет обсуждали, — нехотя отвечаю и направляюсь на кухню, хоть меня туда и не приглашали.

В духовке горит свет, а в воздухе витает запах чего-то сладкого и вкусного. Белоснежная кухня блестит от чистоты. Я нажимаю кнопку на чайнике и достаю из шкафчика кружку. Чувствую Ирин взгляд мне в затылок.

— Что ты готовишь? — спрашиваю, насыпая во френч-пресс листья чёрного чая.

— Пирог пеку.

— Ммм. С чем?

— С вишней.

— Скоро он будет готов?

— Минут через десять.

— Я хоть и ел недавно, но от твоего пирога не откажусь.

Ира очень вкусно готовит. Общаясь с ней по работе, даже и не скажешь, что такая акула все свободное время проводит у плиты. Самойлова даже умеет печь торты. Остается открытым вопрос, для кого она готовит такие шедевры, если живет одна. Сама она ест, как гимнастка на диете.

— Иди пока руки помой, я все сделаю, — Ира подходит ко мне и забирает френч-пресс.

В ее ванной так же все блестит, как и на кухне. На смесителях даже можно рассматривать свое отражение. В стаканчике на раковине только одна зубная щетка, вокруг расставлены баночки с женскими кремами и лосьонами. У ванны небольшой деревянный столик с ароматическими свечами и палочками.

Следов мужика нет.

Когда я возвращаюсь на кухню, на столе уже стоят тарелки, кружки и френч-пресс. Ира сидит на стуле, поджав под себя одну ногу. Я располагаюсь напротив.

— Ну так что было в правительстве? — повторяет, как попугай.

— Бюджет на следующий год обсуждали, я же уже сказал.

Ира явно не удовлетворена моим ответом.

— Все, как всегда, Ир, — продолжаю. — Каждый тянет одеяло на себя. Социальный блок просил денег на пенсии, силовики просили деньги на себя, а Минфин не хотел давать ни тем, ни другим.

— А ты что говорил?

— Больше поддерживал Минфин.

Духовка издаёт звон, и Ира поднимается с места, чтобы достать благоухающий пирог. Посыпает его сахарной пудрой, разрезает на кусочки и накладывает лопаточкой в тарелки. Затем наливает в кружки чай.

— От нас ждут реформ, Яр, — обреченно говорит, возвращаясь на свое место.

— Я знаю.

— Времени не так уж и много до выборов. Пора начинать готовить стратегию.

— Я знаю.

— И какие у тебя идеи? — внимательно смотрит на меня.

Я медленно прожевывая восхитительно вкусный вишневый пирог, делаю глоток чая и только после этого говорю:

— Урезать расходы на силовиков.

Ира в испуге расширяет свои и без того огромные синие глаза.

— Яр... — начинает и тут же замолкает.

— Каждый год силовики получают из федерального бюджета почти три триллиона рублей. Здравоохранение получает триллион, образование получает триллион, а менты и прокуроры три триллиона. При этом коррупция у них по-прежнему процветает. Пора прикрывать эту лавочку.

— Но ты же понимаешь, как это опасно. У силовиков слишком сильное лобби в правительстве, их поддерживает президент...

— Президент назначил меня министром, чтобы я подготовил ему реформы, направленные на ускорение роста экономики и благосостояния граждан, — перебиваю. — Вот я готовлю.

— Но не у силовиков же кусок отбирать! — возмущается. — Ты бы ещё на армию покусились.

— Сократить силовой аппарат в два раза, забрать у них пару триллионов, а сэкономленные деньги направить на реализацию крупных инфраструктурных проектов. Еще можно повысить налоги для крупного бизнеса и за счет этого расширить меры поддержки малого и среднего. Также увеличить госкомпаниям планку по отчислениям дивидендов в бюджет. Пускай платят не 50 процентов от своей чистой прибыли, как сейчас, а 70 процентов. Ну и подоходный налог для граждан дифференцировать. Для низких зарплат совсем его отменить, а для очень высоких увеличить с 13 процентов до 30.

Я отправляю в рот еще один кусок пирога, наслаждаясь реакцией Иры.

— Ты хоть понимаешь, сколько врагов мы себе наживем, если выйдем с такими предложениями? — наконец-то выходит из ступора.

— А если мы не выйдем с предложениями, то после выборов нас турнут из министерства пинком под зад. У нас нет выхода, Ира.

— Яр, ты собираешься ополчить против себя не только весь силовой блок, но еще и крупный бизнес, госкомпании и олигархов, которым хочешь взвинтить подоходный налог.

Ира права. Стоит мне только заикнуться о подобном, как у меня не останется ни одного союзника. Но ведь от меня хотят реформ.

— А какие у тебя предложения? — внимательно на нее смотрю. — Как, по-твоему, можно ускорить экономический рост?

— Провести реформу образования.

— Например?

— Отменить бесплатное высшее образование.

Я аж давлюсь пирогом. Ира невозмутимо ждет, когда я откашляюсь. Она полностью серьёзна, на лице нет и тени шуток.

— Ты в своем уме вообще? — хриплю, все еще продолжая кашлять. Быстро запиваю застрявшие в горле крошки чаем.

— А ты в своем уме, когда собираешься сокращать расходы на силовиков и поднимать налоги олигархам?

— Ира, мои предложения не идут ни в какое сравнение с твоим!

Она качает головой.

— У нас высшее образование обесценилось, потому что оно слишком доступно каждому. Государство тратит миллиарды на то, чтобы обучить и выпустить юристов и экономистов, а они потом по специальности не работают. Получается, государственные деньги потрачены впустую. А ведь эти деньги могли бы быть направлены на строительство нового жилья, например. Но нет, мы жилье не строим. Мы за счет бюджета учим юристов и экономистов, которые кладут диплом на полочку и благополучно о нем забывают.

— Да что ты прицепилась к юристам и экономистам? — повышаю голос.

— Я образно. Нашей стране не нужно такое количество людей с высшим образованием, как сейчас. Выпускники университетов либо не находят работу, либо трудятся на рабочих местах, не требующих высокого уровня образования. Многие в итоге устраиваются не по специальности. И зачем мы их всех учим за государственный счет?

Отрицательно качаю головой.

— Я никогда не предложу отменить в России бесплатное высшее образование, Ира, — говорю твёрдо.

— Ну не обязательно отменять совсем. Можно хотя бы сократить в два раза количество бюджетных мест.

— Это не решит проблему экономического роста, а волнения среди народа вызовет сильные. Администрация на это не пойдёт.

— Вот уж что вызовет волнения, так это твои предложения, Ярик, — замечает. — Олигархическое лобби тебя уничтожит. Как ты этого не понимаешь?

— Что ты хочешь от меня услышать, Ира? — поднимаю на нее взгляд. — Я озвучил тебе реформы, которые собираюсь предлагать. И я прекрасно осознаю все риски.

— В правительстве тебя никто не поддержит.

— Меня поддержит Минфин и меня поддержит весь социальный блок.

— Да плевать все хотели на социальный блок! — взрывается криком. — Они ничего не решают! Ты серьезно думаешь, что голос министра здравоохранения перевесит голос главы нефтяной компании, которой ты собрался взвинтить налоги? Да нефтяники тебя переедут, Ярик, как только ты заикнёшься о том, чтобы повысить им отчисления в бюджет! Ты себе столько врагов наживешь!

— Еще раз: я осознаю все риски, — чеканю. — И пока еще я твой начальник, Ира, а не ты мой. Поэтому давай ты не будешь меня поучать?

— Ты роешь яму себе и тащишь в нее меня!

— Ты всегда можешь вернуться обратно в Минфин. Я уверен, Валентин Александрович встретит тебя с распростертыми объятиями.

Ира со злостью отбрасывает на стол вилку.

— Спасибо за пирог, мне пора, — я встаю с места и направляюсь в прихожую.

Ира выходит следом за мной. Скрестив на груди руки, наблюдает, как я обуваюсь.

— Я не буду тебе в этом помогать, — зло бросает. — Я не собираюсь идти на дно вместе с тобой.

Поворачиваюсь к ней и внимательно смотрю. Ира выглядит непоколебимой.

— Пока я твой начальник — будешь.

— Уволишь меня? — спрашивает с усмешкой.

— Ира, ты или работаешь со мной, или не работаешь. Мы можем обсудить твою идею с сокращением бюджетных мест в вузах более подробно. Я не против порезать расходы на

социальную сферу, но в пределах разумного. Пора готовить стратегию, у нас всего полгода до выборов.

— Ты министру финансов озвучивал свои идеи?

— Да.

— И что он сказал?

— Валентин Александрович поддержал.

Ира хмыкает.

— Валик хоть и тяжеловес в правительстве, но его поддержки мало. В администрации твои предложения никто не одобрит. У силовиков и олигархов лобби намного сильнее.

— А мы заранее начнём их мочить.

— Каким образом?

— Есть у меня один журналист на примете, через которого это можно будет делать. Кажется, министру юстиции не хило досталось за идею повысить штрафы для супермаркетов, правда?

Ира хлопает ресницами и смотрит на меня в изумлении.

— Это ты слил в прессу???

— До понедельника, Ира, — подмигиваю и быстро выхожу за дверь.

Я еще сижу в машине какое-то время, не трогаясь с места и размышляя о разговоре с Самойловой. Плохо, что Ира оказалась против. Я и так не мог доверять ей на сто процентов, а теперь тем более. И она легко может начать вести свою игру за моей спиной. Единственный вариант — согласиться на ее дичь про высшее образование и еще парочку предложений, которые она, может быть, сделает. Ира никогда не отличалась альтруизмом, естественно, все ее идеи будут связаны с сокращением расходов на социальную сферу.

Кстати, о социальной сфере.

Достаю из кармана телефон и открываю переписку с девчонкой. Я же просил ее написать мне, когда поднимется в квартиру. Не написала. Забыла? Или специально? Была в сети десять минут назад.

«Ты дома?»

Через минуту открывает мое сообщение.

«Да, а что?»

«Я просил написать мне, когда поднимешься в квартиру»

«Ой, я забыла, извини»

«Больше не забывай»

Ничего не отвечает, хотя висит онлайн, и сообщение прочитано. Печатаю следующее:

«Во сколько ты заканчиваешь работать?»

«Всегда по-разному. А что?»

«Ну хотя бы примерно»

«Стараюсь до семи, но иногда приходится задерживаться. Например, если назначают нового министра»

Улыбаюсь.

«На вечер вторника ничего не планирую, я заеду за тобой в семь. Напиши адрес своей работы»

Снова висит онлайн, но ничего не пишет. Я прямо вижу, как она растерялась. Блокирую экран телефона и завожу мотор. Выйдет из ступора — ответит.

У меня на тебя большие планы, Алена.

Глава 17.

«На вечер вторника ничего не планирую, я заеду за тобой в семь. Напиши адрес своей работы»

Меня пробирает мелкая дрожь, когда я читаю это. Не знаю, что ответить.

Нет, так-то, конечно, надо написать адрес и встретиться с ним снова, вот только, кажется, мы с Ярославом немного не поняли друг друга. У меня к нему чисто деловой интерес. А у него ко мне какой?

Я планировала установить с ним дружеский контакт, чтобы задавать любые вопросы по работе и получать на них нормальные ответы. Вот как Паша. У него со всеми источниками приятельско-деловые отношения, он с ними выпивает, а за бутылочкой всегда можно обсудить новый законопроект, повышение налогов, федеральный бюджет на следующий год и так далее.

Никольский, с одной стороны, не позволял себе чего-то из ряда вон, но с другой, целовал в щеку, отвёз домой, попросил написать, когда я поднимусь в квартиру. Я, конечно, не забыла о его просьбе, а не написала специально. Подумала, он сказал это из вежливости, а на самом деле ему все равно, поднялась я домой или нет.

И вот он написал и спросил.

— Ален, с тобой все в порядке? — на кухню заглядывает Аня.

Я сижу на табуретке и сжимаю в руках телефон. Дрожу, будто на морозе. Зуб на зуб не попадает.

— Ань, он охрененный, — неожиданно выпаливаю.

— Кто? — не сразу понимает.

— Министр.

Лицо подруги изображается недоумением, но оно уже через несколько секунд сменяется любопытством. Она отодвигает вторую табуретку и садится рядом.

— Ты пришла два часа назад, а до сих пор не переделалась даже, — замечает. — Под таким впечатлением?

— Я еще никогда не встречала таких умных и интересных людей, Ань. Даже в МГУ.

— В МГУ у нас одни зануды были, — смеется. — Что, запала на него, да?

— Нет! — спешу заверить. — У меня к нему исключительно профессиональный интерес. Я журналист, а он министр. Никольский должен стать моим источником. Но просто он оказался на удивление интересным человеком.

— Так как встреча прошла, расскажешь?

— Хорошо. Мы перешли на «ты». Поужинали, потом он довез меня до дома.

— А почему ты дрожишь? — оглядывает меня с головы до ног и обратно.

— Не знаю... — откладываю телефон на стол и облокачиваюсь на стену. — Ладно, — выдыхаю. — Это была деловая встреча. Она прошла нормально. Лучше, чем я ожидала. Надеюсь, в дальнейшем я смогу использовать Никольского, как мне надо.

— Так ты на него запала или ты хочешь использовать его как источник информации в рабочих целях? Ты уж определись.

— Он для меня лишь источник информации, — твёрдо заявляю. — Не более того. Пока Никольский министр, он мне интересен. Как только он перестанет быть министром, потеряется и мой интерес к нему. Он, скорее всего, будет готовить реформы, которые озвучат после президентских выборов. Мне нужно первой достать эти реформы и первой о них написать.

— И как ты их достанешь?

— Найду способ.

— Какой?

— Я сделаю для этого все возможное, — обещаю, скорее, самой себе, чем подруге. — Даже украду, если потребуется.

Аня прыскает от смеха.

— Вот ты смеёшься, а мой коллега Паша все время ворует документы.

— Как?

— Приходит на совещание, например, в правительство. Там чиновникам раздают папки с документами. Журналистам их не дают. Паша сидит до конца совещания, а потом, когда все расходятся, подходит к столу и хватает документ.

— А что будет, если его поймают?

— Один раз поймали. Закрыли ему проход в правительство на два месяца. А еще однажды Паша брал интервью у какого-то замминистра, и во время интервью этого замминистра позвал к себе министр. Он вышел из кабинета, оставив Пашу одного. Естественно, Паша этим воспользовался и сфотографировал все документы на его столе. Две недели потом писал по ним статьи, а пресс-секретарь билась в истерику и не понимала, кто ему их слил.

— Но это же не этично! — возмущается. — Алена, у нас на журфаке целый курс был посвящён профессиональной этике журналиста! Ты забыла, что ли?

— Ань, нет этики в реальной профессии. Паша ворует документы и поэтому он самый лучший журналист в нашей редакции и на рынке в целом. Его какие только газеты не переманивали. Яна ему каждый год зарплату повышает, чтобы не ушел к конкурентам.

— Ну не знаю, как-то это не очень.

— А как еще журналисту доставать документы? Это наша работа. Кто нам их просто так даст за наши красивые глаза?

Я поднимаюсь с места, чтобы включить чайник.

— А Костя знает, что ты собралась налаживать плодотворное сотрудничество с министром?

Упоминание о моем парне неприятно корбит. Когда я пришла в ресторан, он прислал мне селфи у реки, мол, я купаюсь. На заднем фоне я рассмотрела дочку подруги его мамы в купальнике. Это и подтолкнуло меня к тому, чтобы раскрепоститься в присутствии Никольского. Назло Косте.

— А что ему знать? — рявкаю. — Это моя работа, и она мне нравится. Я не собираюсь увольняться ради Кости.

— Ну тут соглашусь. Костя не должен ломать тебя под себя.

Я наливаю чай и ухожу в свою комнату. Ставлю кружку у кровати и падаю на мягкое покрывало, уставившись в белый потолок с трещинами.

Никольский бесконечно красив, умён, интересен и харизматичен, но у меня с ним должно быть исключительно профессионально-приятельское общение, убеждаю себя. Во-первых, у меня есть парень. А во-вторых, крутить шашни с источником слишком опасно. Если об этом узнают в нашей журналистской тусовке, то про меня будут говорить, что я достаю эксклюзивы через постель. А такой славы я себе не хочу.

Залезть бы в голову Никольского и узнать, что там происходит. Может, зря я надумала какой-то особенный интерес к себе с его стороны? Может, он со всеми девушками так себя ведёт? А может, он вообще не свободен? У нас же не заходил разговор за личную жизнь. У меня вот Костя есть. У него наверняка тоже кто-то. Не верю, что он одинок. Никольский совершенно точно не похож на человека, у которого нет секса.

Снимаю телефон с блокировки, открываю переписку с Ярославом и уверенно печатаю адрес редакции. Ответ приходит тут же.

«Я уже думал, ты не ответишь. Так долго советовалась с подружкой и взвешивала все за и против?»

Боже, он экстрасенс, что ли!?!? Как он догадался??? Несколько секунд туплю, а потом уверенно бью пальцем по экрану:

«Нет, просто меня отвлекли, а потом я забыла о твоём сообщении»

«Ммм, понятно. А мне представилась картина, как ты растерянно сжимаешь в руке телефон и сомневаешься, говорить ли мне адрес»

Нет, ну это просто уму непостижимо. Меня снова начинает потряхивать: то ли от возмущения, то ли от страха, что он видит меня насквозь.

Он правда видит меня насквозь? Я для него настолько понятна?

Понуднее устраиваюсь на подушке и со злостью печатаю:

«Экстрасенс из тебя так себе»

«Правда?»

«Абсолютно!»

«То есть, ты сейчас мне это все печатаешь не с разъяренным лицом?»

Я хочу выбросить телефон в окно.

Как он это делает??? Он установил у меня дома скрытые камеры???

«Ладно, не буду больше тебя смущать, Алена»

Какая милость!

«Ты меня не смущал»

«Я с нетерпением жду нашей встречи во вторник»

А вот сейчас мое сердце делает сальто. Перечитываю строчку снова и снова, чувствуя, как от нервов потеют ладони.

«До вторника»

Пишу это дрожащими пальцами, чтобы он не подумал, будто я снова впала в ступор или сомневаюсь, что ему ответить. Блокирую айфон, отбрасываю его на другой конец кровати и накрываю лицо ладонями. Сердце заходится, как бешеное.

Глава 18.

— Как прошла встреча с Никольским? — Яна задаёт мне этот вопрос в понедельник утром сразу, как только я подхожу к своему компьютеру.

Паша тут же поворачивает голову в мою сторону и вопросительно выгибает бровь.

— Да нормально... — осторожно говорю.

Включаю комп и сажусь на кресло.

— А поподробнее? Я же просила тебя позвонить мне после встречи, — не унимается начальница.

Да, просила. Но в субботу я была просто не в состоянии, а в воскресенье целый день выясняла отношения с Костей. Он не позвонил мне ни в субботу перед сном, ни в воскресенье утром. Когда я сама набрала ему в обед, услышала на заднем фоне музыку и, клянусь, смех дочки подруги его мамы, хоть Костя и утверждал, что это смеется его сестра.

— Все прошло хорошо. Мы говорили о жизни и немного о работе, но не о конкретных темах, — рассказываю про Никольского. — В общем, в трусы я к нему не лезла, как ты и советовала.

— А он к тебе? — ржёт Паша.

Резко разворачиваюсь на крутящемся стуле и со всей силы бью идиота в плечо.

— У меня есть парень, вообще-то!

— Ну какой может быть парень, когда перед тобой молодой и неженатый министр? — продолжает хохотать.

— Я не приветствую такого рода связи, — повышает голос Яна. — Тебе об этом известно, Паша.

Я резко замираю с занесённым над Пашей кулаком. Яна сказала это не громко, но нотки стали в ее голосе врезались в мой слух. Возвращаюсь к своему компьютеру и вбиваю логин и пароль от учетки, но руки почему-то дрожат, из-за чего пальцы не попадают по кнопкам.

— У нас же распространены служебные романы, — стараюсь произнести это, как будто между прочим. — В нашей редакции, как минимум, три пары. Да и в целом журналисты часто женятся друг на друге, даже если работают в конкурирующих СМИ.

— Журналисты друг на друге — да, — соглашается. — Но крутить роман со спикером нельзя.

Меня вдруг задевают эти слова.

— Почему?

— Потому что это создаёт конфликт интересов.

— А выходить замуж за журналиста из другой газеты не создаёт конфликт интересов? — повышаю голос.

— Алена, с журналистом ты по одну сторону баррикад, а с пиарщиком или со спикером — нет. Они наши контрагенты. В итоге в какой-то момент придется выбирать между ним и работой. Вот представь: ты знаешь, что его сняли с должности за взятку, но публично про взятку решили не объявлять и сказали, что он ушел по собственному желанию. Твои действия?

— Напишу об этом! — отвечаю, ни секунды не раздумывая.

— Замечательно. А теперь представь, что министр — твой папа. Напишешь про своего папу, что его уволили за взятку?

Я осекаюсь. Мой папа — индивидуальный предприниматель. У него небольшой автосервис в моем родном городе. Взятки отец никогда не брал, ему не за что их брать. Но даже если теоретически представить, что мой отец не автомеханик, а, например, гаишник на дороге, я бы написала статью о том, что он берет взятки?

Нет, совершенно точно нет.

Я решаю не продолжать дальше этот разговор. Да и к чему? Я уж точно не собираюсь крутить роман с Никольским. Но про предстоящую во вторник встречу решаю на работе никому не говорить. Паша не сильно отчитывается перед Яной о своих пьянках с источниками.

Когда рабочий день подходит к концу, мне звонит Костя. Несколько секунд сомневаюсь, но все же беру трубку.

— Алло.

— Зай, привет. Увидимся сегодня? Я соскучился.

Внутри уже закипает злость.

— Мариночка не развеселила тебя? — плююсь ядом.

— Зай, ну хватит! Ты же знаешь, как я тебя люблю! Давай сегодня ко мне? Родители остались на даче.

— Твоя мама не переживет, если узнает, что моя нога ступала по паркету вашей квартиры, обставленной музейными экспонатами.

— Алена! Да успокойся ты уже. Моя мама хорошо к тебе относится!

— Ага, я знаю.

— Зай, ну я так хочу с тобой сегодня уснуть. Я уже еду к тебе. Жди.

И кладёт трубку.

Такие непредвиденные случаи ночевок у Кости уже случались, поэтому я храню на работе запасную одежду и косметичку. В семь часов я выхожу из редакции и уже вижу Костю.

— Привет, — подхожу к нему.

Парень заключает меня в объятия и целует. Без особого энтузиазма отвечаю ему. Я все еще обижена и мне все еще до боли неприятно, что Костина семья подсовывает ему дочку своих друзей, а он закрывает на это глаза. Парень вызывает такси, и мы едем к нему. По дороге разговор особо не клеится. Мне неинтересно слушать, как он провёл выходные на даче. Сама я про встречу с Никольским рассказать не могу. Косте и так слишком не нравится моя работа.

В начале июня мы отметили два года наших отношений. Познакомились мы банально: в библиотеке. Мне нужно было срочно переписывать курсовую после замечаний научника, и я отправилась в фундаментальную библиотеку МГУ возле главного здания, потому что в общаге мне мешали Аня и шум из коридора. Костя учился на экономическом факультете и тоже писал в библиотеке курсовую. Четыре часа мы просидели через два стула друг от друга, а когда я собралась уходить, он неожиданно предложил меня проводить.

— Мне в общагу, — смирила я взглядом парня, у которого на лбу было написано, что он тепличный мальчик, выпорхнувший из-под мамкиного крыла.

— Никогда не был в МГУшной общаге, а всегда хотелось побывать, — уверенно заявил.

Даже не знаю, что меня в тот момент удивило больше: что незнакомец рвётся меня провозжать, даже не спросив моего имени, или что он ни разу не был в общаге. Даже коренные москвичи, живущие с родителями, ездят на тусовки в общагу. А этот несколько лет учится и ни разу не был?

Я согласилась. Скорее, просто по приколу. Мне стало интересно увидеть лицо тепличного мальчика, когда он переступит порог студенческой общаги. В июне в Москве темнеет поздно, а тем вечером было еще и очень тепло, поэтому мы решили пойти пешком. Неспешным шагом это где-то час. По дороге выяснилось, что тепличный мальчик не глуп, умеет шутить и любит те же фильмы и книги, что и я. Вдобавок ко всему оказался симпатичным: высокий, темно-волосый, кареглазый.

Общага Костю не напугала, что меня сильно расстроило. Мне до ужаса хотелось увидеть испуг и брезгливость на лице тепличного мальчика.

— Как тебя найти во «ВКонтакте»? — спросил с надеждой, оставляя меня у входа.

Так как на Костю не был заказан пропуск, внутрь его не пускали.

— Алена Доброва, журфак МГУ, — ответила я.

Костя тут же полез в карман за телефоном, чтобы добавить меня в друзья. Пару дней мы переписывались, а потом пошли на свидание. Костя стал у меня первым. До него я никогда ни с кем не встречалась: в школе я усердно готовилась к экзаменам, а на журфаке МГУ учатся одни девочки. Ко мне клеилась пара парней из общаги, но они мне не нравились. В ночных клубах, которые я иногда посещала с подругами, знакомства к долгим и серьезным отношениям не располагают, а секс на одну ночь меня никогда не интересовал.

С Костей все было прекрасно до тех пор, пока он не решил познакомить меня со своей семьей коренных москвичей в пятом поколении. И если на Костином лице при виде общаги брезгливости не было, то эта брезгливость совершенно точно была на лицах его родителей и сестры, когда они увидели меня.

— А Новочеркасск — это где? — поинтересовалась его младшая сестра Вика.

— В Ростовской области, — спокойно ответила я.

Она возвела глаза к потолку.

— А! Нас возили туда на экскурсию в 10 классе. Мы посещали три города: Ярославль, Кострому и Ростов.

— Это был Ростов Великий, — так же спокойно пояснила я. — А Ростовская область — это где Ростов-на-Дону.

— А это где? — прищурила она глаза.

— Вик, ты бы лучше географию учила вместо своих тупых сериалов! — рявкнул на нее Костя. — Двоечника!

— Константин, ты как с сестрой разговариваешь! — тут же вмешалась его мать.

У меня до сих пор глаз дергается, когда я вспоминаю тот вечер.

— Проходи, — Костя открывает дверь квартиры и пропускает меня вперед.

В нос тут же бьет запах домашнего уюта. В нашей с Аней съёмной квартире так не пахнет. Костя включает свет, и большой холл Сталинской квартиры с трехметровыми потолками загорается множеством лампочек.

Я не очень люблю бывать у Кости дома, потому что это не квартира, а музей. На стенах висят картины. Я не разбираюсь в искусстве, но, должно быть, дорогие. По углам расставлены то вазы, то статуи, то еще какие-то фигуры. Тоже, наверное, дорогие.

Осторожно прохожу в ванную, стараясь не задеть экспонаты, и мою руки. Костя становится сзади и обнимает меня, опускаясь лицом в мой затылок.

— Я соскучился, — хрипит.

Его бедра прижаты к моим, и конечно, я чувствую, как он соскучился. Пока я смываю мыльную пену, его ладони уже всюду блуждают по моему телу. Не успеваю закрыть кран, как Костя разворачивает меня к себе и накрывает мои губы своими.

Мы целуемся жадно, отчаянно. Сейчас я верю, что он скучал. Не разрывая поцелуя, на ощупь, мы направляемся в его комнату, то и дело врезаясь в стены или предметы мебели.

— Зай, так хочу тебя, — шепчет Костя, спускаясь от моих губ к шее.

Я на что-то налетаю, и мы так и остаемся стоять. Кажется, это какой-то раритетный комод. Его губы уже на моих ключицах, параллельно Костя расстегивает пуговицы на блузке. Запрокидываю голову назад. Костя целует ниже.

Не знаю, как и в какой момент это происходит. Но я случайно дергаю рукой и задеваю предмет, стоящий на комод. А через секунду он летит на пол и с громким звоном разбивается.

Костя резко от меня отскакивает, и пару мгновений мы в недоумении пялимся на множество маленьких разноцветных осколков.

— Твою мать, это была эксклюзивная вазочка 19 века из Италии!

Я все еще в шоке, хлопаю глазами и не знаю, что ответить.

— Я случайно, — это первое, что приходит на ум.

Костя тяжело дышит и переводит на меня взгляд с укором. В нем так и читается: «Ну блин, Алена! Что я теперь маме скажу?».

Но вслух парень ничего не говорит. Тяжело вздохнув он уходит в сторону туалета и возвращается с совком и веником.

— Она дорогая? — зачем-то спрашиваю я.

— А ты как думаешь? — огрызается.

«Эксклюзивная вазочка 19 века из Италии», вспоминаю его слова.

Да, наверное, дорогая. Черт, ну почему я такая неосторожная? Но Костя, конечно, тоже молодец! Надо было пристать ко мне в ванной, до кровати не мог дотерпеть.

Настроение Кости кардинально изменилось в худшую сторону. Сейчас его губы сжаты в нитку, на меня даже не смотрит. Собрав осколки, уходит на кухню. По звукам я догадываюсь, что он высыпал их в ведро. Затем до меня доносится шум воды в раковине, а после хлопки холодильника и микроволновки. Я так и остаюсь стоять у комода, который тоже, наверное, эксклюзивный 19 века из Италии. На всякий случай отхожу от него к стене.

Время идёт, Костя не зовёт меня на кухню. Может, я сама должна прийти? Но я почему-то не иду. Смахивая с щёк слезы обиды, я направляюсь в прихожую. Обуваю балетки, накидываю на плечо сумку, поворачиваю замок и выхожу за дверь.

Даже через 10 минут Костя мне не звонит, что только усиливает мои слезы. Не звонит он и через час, и через два. В 12 ночи я ложусь в кровать, продолжая лить слезы в подушку. Наконец-то телефон вибрирует.

Тут же хватаю айфон, надеясь прочитать слова извинения от моего парня, но вместо них вижу сообщение от... Никольского.

«В прошлый раз я выбрал ресторан, не советуясь с тобой. Исправляюсь. Какую кухню ты любишь?».

Глава 19.

Во вторник утром я просыпаюсь совершенно без настроения и с опухшим от слез лицом. На экране мобильного висит сообщение от Никольского с вопросом про мою любимую кухню. Я его так и не открыла. От Кости сообщений нет.

У меня нет желания ни краситься, ни наряжаться, ни идти на работу. Даже возникает мысль позвонить Яне и наврать, что я заболела, но в итоге я ее отметаю. Паша говорил, что сегодня будет писать сложный текст, и ему понадобится моя помощь.

Погода резко переменялась, и вот за окном уже сильный осенний ветер и мрачное небо. Прямо, как мое настроение. Конец сентября. Дальше только холоднее.

Натягиваю простые синие джинсы-скинни и чёрную водолазку. Не крашусь, а волосы оставляю распущенными. Обуваю чёрные кеды, накидываю сверху кожаную куртку, бросаю в сумку зонт и выхожу из дома.

Костя не пишет, из-за чего у меня целый день глаза на мокром месте. Пару раз порываюсь написать ему сама, но бросаю эту затею. В чем я виновата? В том, что он сам прижал меня к этому comodу? Ну так Костя должен был знать, что на нем стоит эксклюзивная вазочка 19 века из Италии!

Но чем ближе окончание рабочего дня, тем хуже мое настроение. Никольскому я так и не ответила. Да и что за вопрос: какую кухню ты любишь!? Как будто я светская дива, расхаживающая каждый день по ресторанам! Он, может, и привык к таким девушкам, но, по-моему, очевидно, что я к ним не отношусь.

«Я у твоей редакции»

Часы показывают ровно семь часов. Прощаюсь с коллегами и иду на выход. «Кайен» Никольского припаркован на другой стороне улицы. Перехожу дорогу на светофоре, обхожу автомобиль и залезаю на переднее сиденье. Вдруг возникает мысль, что надо было оглядеться по сторонам, на случай если кто-то из коллег мог меня видеть.

— Привет, — Ярослав встречает меня с улыбкой.

Мне хватает одного взгляда на этого мужчину, чтобы переживания о Косте и разбитой вазочке пулей вылетели из головы. Он сидит за рулем в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами. Галстука нет, пара верхних пуговиц расстегнуты. От него веет силой, уверенностью и успехом.

— Привет, — тихо отвечаю, не в силах оторвать от него глаз.

Ярослав кладёт ладонь мне на плечо и слегка склоняет к себе. Опять целует в щеку. Я тоже едва касаюсь губами его кожи. Закрываю глаза и вдыхаю поглубже терпкий мужской запах.

— Ты не ответила мне, — говорит на ухо. После поцелуя он не отстранился, а сейчас его ладонь и вовсе с моего плеча переместилась на спину.

Внутри меня как будто что-то ломается. Шумно выдыхая, я опускаюсь лбом на его плечо. Мы, наверное, очень странно выглядим со стороны: я уткнулась в шею министра, а он меня обнимает. И все это происходит возле редакции, где в любой момент нас могут застукать мои коллеги.

Но я не отстраняюсь и не прошу Никольского побыстрее отъехать, а закрываю глаза, продолжая вдыхать его запах. Ярослав аккуратно гладит меня по спине.

— Извини, что не ответила, — наконец-то говорю.

— Тяжёлый день?

— Угу.

— Понимаю...

Да, он понимает. Я чувствую это. Что с ним можно вот так помолчать в обнимку, и он поймет.

— Так какую кухню ты любишь? — спрашивает на ухо.

Улыбаюсь ему в рубашку.

— Я люблю борщ, пюре и котлеты.

Тихо смеется мне в волосы.

— Знаешь, а я тоже.

— Да ну, — не верю. — Ты, наверное, любишь фуагра.

— Это паштет из утиной печени? Не, я не очень люблю паштеты.

Ярослав первый отстраняется от меня, отчего резко становится холодно.

— Это тебе, — тянется на заднее сиденье.

Моему взору предстаёт букет алых роз. Несколько секунд я испуганно пялюсь на них. Не беру в руки, и тогда Ярослав сам кладёт цветы мне на колени. Поворачивается к лобовому стеклу, заводит мотор и трогается с места.

— Пристегнись, — спокойно просит.

На автомате застегиваю ремень, продолжая смотреть на цветы. Не знаю, сколько их штук. Много. Зелёные стебли перевязаны красной лентой в тон бутонов. Меня вдруг охватывает животный ужас.

Ресторан может ничего не значить. Объятия в машине могут ничего не значить. Поцелуй в щеку может ничего не значить. Да даже секс в наше время уже ничего не значит.

Но вот цветы — это другое. Мужчина не дарит девушке цветы просто так из вежливости или по дружбе. Цветы — это серьёзный шаг, цветы означают, что мужчине нравится девушка. И нравится в одном конкретном смысле.

Осторожно скашиваю взгляд на Ярослава. Он уверенно ведёт автомобиль, совершенно точно не похоже, чтобы его смущала или пугала ситуация. Снова опускаю взгляд на розы.

У меня и в голове, и в душе какой-то каламбур. Я не знаю, что сказать и как реагировать на букет.

— Спасибо за цветы, — вдруг говорю, понимая, что уже прошло, наверное, больше десяти минут, а я до сих пор его не поблагодарила.

— Не за что, — отвечает, не отрываясь от дороги.

Мы едем в тишине. Она вдруг начинает давить на меня. Хочу попросить его включить радио, но не решаюсь. В мысли снова закрадывается Костя.

Он же не бросил меня из-за этой дурацкой вазочки???

А так получается, что я обижаюсь на него за Марину, а сама хожу по ресторанам с министром и принимаю от него цветы.

Но ведь я хожу по работе! И первый раз в субботу, и второй раз сейчас я встречаюсь с Никольским сугубо из-за делового интереса к нему. Я не отрицаю, что Ярослав шикарный мужчина и просто мечта для любой девушки, но я не планировала сближаться с ним в романтическом смысле.

Снова перевожу взгляд на Никольского. От его красоты и уверенности в себе дух захватывает. Бесспорно, Ярослав самый шикарный мужчина из всех, что я встречала в своей жизни. Смотрю на него — и сердце трепетать начинает.

— Ты женат? — этот вопрос вырывается против моей воли.

— Ты же читала мою биографию. Там написано, что я не женат и у меня нет детей, — он говорит это, не отрываясь от лобового стекла.

— Формально не женат, это я помню, — тут же спохватываюсь. — Но можно же быть женатым неофициально.

— Я свободен.

«Что, даже девушки нет?» — этот вопрос чуть было не выскакивает следом, но я успеваю вовремя прикусить язык.

Мы продолжаем ехать в тишине. Шипы роз проткнули джинсы и колют ноги. Я беру цветы в руки, чтобы немного сместить, но тут же прокалываю палец.

— Ай, — вырывается у меня.

— В бардачке лежит аптечка, там пластырь, — говорит, по-прежнему не смотря на меня.

На подушечке указательного пальца выступила капля крови. Я открываю бардачок и достаю небольшую чёрную сумку. Расстегиваю молнию, и первое, что кидается мне в глаза, — это пачка презервативов. Несколько секунд я растерянно на нее смотрю, не зная, что делать. Пластыря не видно. Значит, мне придется копаться в лекарствах и презервативах. Мне становится жарко, чувствую, как краснеют щеки и уши.

Резким движением застегиваю аптечку и убираю обратно в бардачок. Мне кажется, или Ярослав сейчас едва слышно хмыкнул?

Зачем вообще держать в машине презервативы? Он занимается здесь сексом?

Я принимаюсь осматривать салон из белой кожи. Тут просторно. Сзади много места, и окна затонированы. Можно поместиться с девушкой.

Боже, о чем я думаю!?

Тянусь к своей сумке, что лежит на полу у ног, и достаю пачку сухих салфеток. Прикладываю к пальцу.

— А куда мы едем? — решаю заполнить тишину.

— В ресторан русской кухни, раз выяснилось, что мы оба любим борщ, пюре и котлеты.

Вот опять Ярослав отвечает суховато, не отрываясь от дороги. Это все из-за цветов! Все было хорошо, пока он мне их не вручил. Я растерялась, а Никольскому не понравилась моя реакция.

Ну а что он от меня ждал? У нас ведь деловая встреча. И у меня есть парень. Правда, он об этом не знает.

Сказать Никольскому про Костю?

Глава 20.

Нет, наверное, лучше не говорить. Какая разница? Это мое личное дело. В социальных сетях у меня есть фотографии с Костей. Мог бы меня погуглить.

Наконец-то Ярослав паркуется. Пока не очень понимаю, где мы находимся, но вроде проезжали Цветной бульвар. Я отстегиваю ремень и в растерянности смотрю на цветы.

— Оставь их в машине, — Никольский будто читает мои мысли.

— Завянут.

Осторожно беру охапку в руки, чтобы не пораниться шипами, и открываю дверь автомобиля. Пока Ярослав оплачивает парковку, послушно его жду. Мне становится неловко за то, как я одета. Он в рубашке и брюках, мы приехали в ресторан, а я в кедах, джинсах и водолазке. Даже не накрашена.

Через несколько минут мы заходим в заведение. Я не стала смотреть на его вывеску. Все равно название мне ни о чем не скажет.

— Ярослав Викторович, здравствуйте, — хостес удивленно смотрит на Никольского. — Вы разве бронировали столик?

— Здравствуйте, нет. Надеюсь, у вас найдется местечко?

— Для вас — всегда! — расплывается в белоснежной улыбке.

Девушка провожает нас через весь зал, отделанный в старом русском интерьере. Здесь все из дерева. На одной стене висит большой ковер с картиной «Мишки в сосновом бору», на другой шкура убитого медведя, а на третьей голова оленя. Нас сажают за столик на четверых у большого окна и кладут перед нами меню. Через минуту девушка возвращается с вазой и ставит в нее мой букет.

— Часто бываешь в этом ресторане? — решаю первой начать разговор. — Тебя тут уже знают.

— Я знаком с владельцем.

Мне становится интересно узнать о Ярославе побольше. О его друзьях, семье. Хотя я понимаю, что надо бы уже потихоньку наводить мосты к рабочим вопросам. А то пока получается, что я хожу с министром по ресторанам, а толку от этого никакого нет.

— У тебя много друзей? — все-таки пока задаю личный вопрос.

— Когда-то было много, сейчас уже нет.

— И куда они все делись?

— Растворились во времени.

Как точно сказано. Ведь действительно друзья теряются не в ссорах. Они растворяются во времени.

— Расскажи о своей семье? — прошу его.

— У меня родители и младшая сестра. Мама всю жизнь проработала в крупном книжном издательстве, сейчас уже на пенсии. Отец занимается бизнесом. Сестра врач.

— Врач? — почему-то меня это удивляет.

— Да, врач-невролог в государственной больнице. Так что если отвечать на твой вопрос с нашей предыдущей встречи, когда я последний раз был в государственной больнице, то две недели назад. Заезжал по делам к сестре. А у тебя, Алена, много друзей?

Напряжение между нами все еще сохраняется, хоть Ярослав и выглядит расслабленным.

— В Москве нет. Близкие друзья у меня были в школе, а они все поступили в Ростове-на-Дону. Учиться в столицу только я поехала. Здесь у меня несколько подруг из универа. С одной из них я снимаю напололам квартиру.

— Определились с заказом? — возле нас возникает официантка.

— Мне борщ, пюре и котлеты, — говорит ей Ярослав.

Я почему-то начинаю смеяться, он, видя это, тоже. Официантка растерянно на нас смотрит.

— Извините, — говорит ей сквозь смех Никольский.

— Да, извините, — повторяю я, отсмеявшись. — Мне то же самое.

Девушка заметно конфузится.

— Напитки желаете?

— Мне компот, — заказывает Никольский.

— И мне.

Девушка уходит, а мы снова прыскаем от смеха.

— Ты правда любишь борщ, пюре и котлеты? — спрашивает меня, не веря.

— Да, — честно отвечаю.

— А готовить их умеешь?

— Конечно.

— Умеешь варить борщ!? — изумляется.

— Да.

Никольский смотрит на меня с сомнением.

— А что тебя так удивляет?

— Я никогда не встречал молодую девушку, которая бы умела варить борщ.

Теперь уже моя очередь удивляться.

— Да ладно? Твоя сестра не умеет варить борщ?

— Моя сестра умеет. Но ей 32 года, у нее муж и двое детей. Я имею в виду девушек примерно твоего возраста.

— И много в твоем окружении девушек примерно моего возраста?

— Достаточно.

В этот момент снова появляется официантка, теперь уже с ароматным борщом. Быстро она заказ принесла. Меня почему-то задели слова Ярослава о том, что в его окружении «достаточно» девушек примерно моего возраста. Что же его, интересно, с ними связывает? Вряд ли работа.

Борщ оказывается настолько вкусным, что хочется застонать от удовольствия.

— Нет, такой вкусный борщ я не умею готовить, — признаюсь.

— Я уверен, что твой борщ еще вкуснее.

— Нет, — качаю головой.

— Я люблю составлять обо всем свое личное мнение. Так что я должен попробовать твой борщ, чтобы сравнить с этим.

Я застываю с поднесенной ко рту ложкой.

Он шутит?

Поднимаю взгляд от тарелки на Ярослава. Ест, как ни в чем не бывало.

— Хорошо, — отвечаю, помедлив. — Однажды когда-нибудь угощу тебя борщом собственного приготовления.

— «Однажды когда-нибудь» — это когда?

— А когда ты хочешь?

— Чем скорее, тем лучше.

Я молча ем, размышляя, что говорить дальше.

— А что я получу взамен? — иду ва-банк.

— А что ты хочешь?

— Три честных ответа на три мои вопроса.

— Спрашивай.

К нам снова подходит официантка и кладет на стол две тарелки с пюре и котлетами. Когда она удаляется, я говорю:

- Обсуждается ли сейчас в правительстве повышение налоговой нагрузки для граждан?
- Нет.

Черт. Это плохо. В смысле плохо не то, что людям не собираются повышать налоги, это как раз хорошо. Плохо то, что я впустую использовала одну попытку. Так, пораскинь мозгами, Алена. Надо задать такие вопросы, ответы на которые точно дадут тебе темы для статей.

Я откладываю в сторону ложку и принимаюсь думать. Конечно, следовало заранее подготовить для Никольского список вопросов, но я сегодня была в таком состоянии, что ни о чем кроме разбитой вазочки думать не могла.

Итак, сейчас сентябрь. Значит, подготовка проекта бюджета на следующий год выходит на финальную стадию перед его одобрением в правительстве. В последних числах сентября бюджет внесут в Госдуму. Об основных параметрах бюджета Паша уже узнал и несколько текстов написал. Но отдельно по статьям расходов информации еще не было.

- Сколько составят расходы на социальную сферу в следующем году и насколько они изменятся по сравнению с этим годом?

Ярослав отодвигает в сторону пустую тарелку от борща и придвигает пюре с котлетами. Берет в руки приборы и разрезает котлету. Не торопится отвечать.

- На всю социалку восемь триллионов. Это здравоохранение, образование, пенсии, выплаты на детей и все остальное, что подпадает под категорию «социальная политика». По сравнению с этим годом расходы изменились в большую сторону, но незначительно.

- Незначительно — это сколько?

- Пара процентов.

Итак, у меня остался последний вопрос для Никольского. Молча доедаю борщ и отодвигаю тарелку. Придвигаю пюре с котлетами. Выглядят очень аппетитно, но я уже наелась. Задумчиво верчу в пальцах вилку. Делаю глоток компота.

- У меня есть для тебя интересная тема, — врывается в мысли его голос. — Нефтяники написали мне и министру финансов письмо с просьбой дать им денег из бюджета на реализацию их инвестиционных программ.

Я смотрю на Ярослава во все глаза.

- А не обнаглели ли они!? — возмущенно выпаливаю.

- Нефтяники давно обнаглели.

- Я хочу это письмо, — безапелляционно заявляю.

- Без проблем. Только его нет в электронном виде, так что тебе нужно будет приехать в министерство.

- Когда можно?

- Когда хочешь, начиная с завтрашнего дня.

- Завтра и приеду.

- Только у меня на вечер совещание стоит.

- Во сколько мне тогда приехать?

- Часов в десять вечера.

Согласно киваю головой. Да, мне нужно это письмо, хотя я прекрасно понимаю, что Яр предложил мне его сам. Значит, ему это выгодно, как и тогда со штрафами для супермаркетов. Никольский хочет замочить нефтяников? А вот это уже действительно интересно. Нефтяники — это настоящие тяжеловесы. Они не чиновники и формально не принимают решений в государстве, но их голос имеет куда больший вес, чем голос половины министров.

- Но все-таки у меня еще осталось право на один вопрос в обмен на тарелку моего борща, — замечаю.

- Ты можешь использовать это право.

- В другой раз.

Я решаю больше не обсуждать с Никольским работу. На сегодня достаточно. Нам приносят чай и десерты, и я прошу Ярослава рассказать мне о бейсболе. Его глаза загораются озорным огоньком, и он пускается в воспоминания о соревнованиях, на которые когда-то ездил.

Мне по-прежнему ничего непонятно о бейсболе, но я слушаю Ярослава с восхищением, забывая дышать. Мне хочется его слушать, что бы он ни рассказывал: хоть про бейсбол, хоть про квантовую физику. Его голос пробирается под кожу.

Это абсолютно точно и бесповоротно: мужчин умнее, интереснее, красивее и, черт возьми, сексуальнее Ярослава я за 22 года своей жизни еще не встречала.

Через полчаса Ярослав расплывается, и мы идем к машине. Я несу в руках цветы, но уже не испытываю стеснения. Никольский, кажется, тоже. По дороге до моего дома я несколько раз опускаюсь лицом в красные бутоны и вдыхаю их умопомрачительный запах.

Неловкость все-таки возникает. Когда Ярослав тормозит у моего подъезда.

— Спасибо за вечер, — искренне благодарю.

Мне удалось отвлечься от грустных мыслей о Косте, удалось узнать кое-что важное по работе. Да и в целом находиться в компании Ярослава — одно удовольствие.

— И тебе спасибо, Алена. Мне нравится проводить с тобой время.

От этих слов из легких будто весь воздух вышибает. На улице уже темно, в салоне автомобиля свет не горит, поэтому я могу надеяться, что Ярослав не видит моих резко вспыхнувших щек.

Он кладет ладонь на мою спину и притягивает к себе в объятия. Целует в щеку, но задерживается на ней губами дольше положенного. Я прикрываю глаза и проваливаюсь в пучину наслаждения от близости этого мужчины. Шумно выдыхаю и обнимаю его одной рукой за шею.

Черт, что я творю...?

Ярослав зарывается лицом в мои волосы. Чувствую его горячее дыхание на затылке, оно провоцирует табун мурашек по всему телу. Внизу живота разливается приятное тепло. При живом Косте я обнимаю другого мужчину... И не просто мужчину, а источника. Нарушаю все мыслимые и немыслимые правила, журналистскую этику... Но, господи, какое же это наслаждение — находиться в его руках, ощущать тепло его тела, вдыхать его запах...

Ярослав целует меня в шею, и я резко дергаюсь, как от удара током.

— Яр... — произношу с испугом, слегка от него отстранившись.

Никольский перемещает одну ладонь мне на щеку и мягко гладит, отчего по всему телу разливается новая волна тепла.

— Алена, ты мне нравишься. — От этих слов в крови происходит резкий выброс адреналина, а сердце пускается вскачь галопом.

— В каком смысле? — задаю самый идиотский вопрос, какой только возможно в этой ситуации.

— В том самом смысле, в котором чертовски красивая и вдобавок умная девушка может нравиться мужчине.

В горле пересыхает. Я смотрю в блестящие глаза в десяти сантиметрах от моего лица и не знаю, что нужно ответить. Что он тоже мне нравится? Что я прямо сейчас в данную секунду при живом Косте хочу достать из бардачка ту самую пачку презервативов и...

— Я бы хотел проводить с тобой время. Много времени, — перебивает вихрь мыслей в моей голове. — Подумай об этом перед тем, как прийти ко мне завтра.

Моих сил хватает только на то, чтобы кивнуть головой.

В этот момент Ярослав склоняется ко мне и целует в губы. От неожиданности тело словно парализует. Никольский не обращает внимание на то, что я замерла, хотя не может этого не чувствовать. Сильнее сжимает меня в руках, еще настойчивее сминает губы. Тепло внизу живота разливается сладкой патокой, и я сдаюсь.

Обвиваю Ярослава за шею двумя руками и отвечаю на поцелуй. Его язык уже хозяйничает у меня во рту, одна ладонь в моих волосах, а вторая забирается под водолазку. Я, не стесняясь, издаю стон удовольствия. Это прекрасное безумие. Исступление, помешательство рассудка. Это желание, чистое животное желание — вот так целовать друг друга, как два сумасшедших.

Розы свалились с коленей к ногам, и это позволяет мне придвинуться к Ярославу еще ближе. Он ведет ладонью по моей спине, обжигая кожу. И только когда его пальцы поддевают застежку лифчика, я вдруг понимаю, что мы сейчас окажемся на заднем сидении вместе с той самой пачкой презервативов из бардачка.

Глава 21.

В мозгу загорается сигнал «СТОП» и включается вой пожарной сирены.

В ужасе распахиваю глаза. Уже вторая рука Ярослава проскальзывает мне под водолазку и идет вверх по спине к застёжке лифчика.

Нет, нет, нет, этого нельзя допустить.

Резким движением отталкиваю Никольского от себя и сама отстраняюсь назад, больно ударяясь затылком о дверь. Ярослав растерянно смотрит, тяжело дыша и не понимая, что произошло. В темноте плохо видно его лицо, но глаза блестят и лихорадочно бегают по мне.

— Что-то не так? — хрипло спрашивает.

А у меня слова в горле застыли от осознания произошедшего. Мы не сводим друг с друга взглядов, воздуха в салоне не хватает, и у меня начинается приступ удушья.

— Ты в порядке? — Яр кидается ко мне.

Я глубоко втягиваю кислород в легкие, но мне все мало и мало. Никольский нажимает возле себя кнопку, и все четыре окна в машине разом опускаются. Салон тут же пронизывает осенний сквозняк. Он треплет мои длинные распущенные волосы, они застилают лицо, и я рада хоть так скрыться от пристального взгляда министра.

Когда я наконец-то восстанавливаю дыхание, Ярослав поднимает окна.

— Ты точно в порядке? Может, отвезти тебя в больницу? — обеспокоенно спрашивает.

Мужская ладонь опускается мне на лопатки, и я тут же вздрагиваю, сбрасывая с себя руку.

— Мне надо домой, — сиплю, склоняясь к ногам, чтобы поднять с пола сумку. Там же у ног и розы. Несколько секунд рассматриваю их в нерешительности, не зная, что делать, но в итоге сгребая в руки, колясь о шипы, и открываю дверь автомобиля.

— До завтра, Алена, — прилетает мне в спину.

Я не отвечаю, захлопываю дверь и бегу в подъезд, чувствуя затылком взгляд Ярослава. По крови так шпарит адреналин, что не могу даже ждать лифт и взбегаю на пятый этаж по лестнице. Влетаю в квартиру и приваливаюсь спиной к двери, еле держась на ногах.

— Привет, — из своей комнаты выглядывает Аня. — Как дела?

Пока я молчу, подруга проходится по мне удивленным взглядом.

— От кого цветочки, Ален? Ты была на свидании? Костя подарил?

— Это была деловая встреча с Ярославом Никольским, — стараюсь произнести, как можно тверже. Вот только для кого: для Ани или для себя?

— Ты закрутила роман с министром? — взвизгивает.

— Нет! Я же сказала, это была деловая встреча!

— Деловая встреча, с которой ты вернулась с букетом шикарных роз, — язвит подруга. — А ты не задумывалась, что крутить шашни с министром может быть опасно для тебя? В твоей ситуации. А если Костя узнает? Или ты решила с ним расстаться? — прищуривает глаза.

— Аня, я же сказала, это была деловая встреча по работе.

Подруга приваливается к стене, скрестив на груди руки.

— Ты сама-то веришь в свои слова? С деловых встреч по работе не возвращаются с букетами, когда на улице уже темно. Ален, крутить романы на работе слишком опасно. А если у вас с ним не срастется, как вы будете дальше работать? И вообще, он министр!

— Ты так говоришь, как будто министр — это Бог.

— Ну, может, и не Бог, но тем не менее. Подумай несколько раз прежде, чем впутываться в это. Хорошо просчитай все риски.

Мне слишком тяжело сейчас слушать Аню. Игнорирую слова подруги и, не снимая обуви, прохожу в свою комнату. Плотно закрываю дверь и сползаю по ее обратной стороне, даже не

включив свет. Шипы искололи мне ладони до крови, но я не обращаю внимания на эту боль. Дыхание продолжает сбиваться, а тело пронзает дрожь.

«Я бы хотел проводить с тобой время. Много времени. Подумай об этом перед тем, как прийти ко мне завтра», стучит в висках.

У меня есть время подумать до завтра. Я должна решить: идти к нему или нет.

По щекам бегут слезы и противно закатываются в воротник водолазки. Я не могу не признать, что Аня права: связываться с Никольским слишком опасно для меня. И не только, потому что у нас может ничего не выйти, это не самое страшное. Опасно другое — Никольский что-то задумал, я ему для чего-то нужна.

Но ведь и он мне нужен... Мы оба нужны друг другу, вот только совсем не в том смысле, в котором хотелось бы.

Я достаю из сумки телефон и с надеждой смотрю, нет ли пропущенных вызовов или сообщений от Кости.

Ничего.

Мой плач усиливается, и я утыкаюсь лицом в колени, сжимая в окровавленной ладони айфон.

Ну пожалуйста, Костя, пожалуйста, позвони мне. Позвони и скажи, что ты меня любишь. И тогда я завтра не пойду к нему.

Глава 22.

ЯРОСЛАВ

Мысли о девчонке отравляют мне целый день. Она неожиданно спасовала, хотя, казалось, была уже в моих руках. Возможно, я перегнул с поцелуем. Но просто больше не мог сдерживаться. Хотел ее до ужаса сильно. И ведь она тоже меня хотела. Но... Почему-то для нее это стало «слишком».

Впрочем, гадать, что заставило Алену убежать, осталось не долго. Вечернее совещание в правительстве стремительно подходит к концу. Девчонка или придет ко мне сегодня, или не придет. Третьего не дано.

— Ни одна живая душа не должна узнать о том, что здесь сегодня обсуждалось, — грозно объявляет десятку министров пресс-секретарь главы правительства.

— Конечно-конечно, — спешат заверить ее собравшиеся чиновники.

Женщина еще раз проходится по каждому придирчивым взглядом. На несколько секунд задерживается на мне. Подозрительно прищуривается. Еще плохо меня знает, а потому не доверяет.

Наталья Устинова — бессменный пресс-секретарь премьер-министра. В прошлом журналист. Ради такой карьеры она пожертвовала возможностью иметь детей, хотя ей уже за сорок. У нее договоренность с премьером: она не уходит от него никуда, даже в декрет.

Взамен Наталье Устиновой разрешили выстроить бизнес по торговле информацией. Например, собираются в России повысить акцизы на сахаросодержащие напитки. Это обсуждается за закрытыми дверями в правительственных кабинетах, и производители сахаросодержащих напитков, естественно, не знают, что их скоро ждет повышение налогов. Так вот Устинова продаёт им эту информацию в прямом смысле за деньги.

Как только производители узнают, что им что-то там собираются повысить или ухудшить, они тут же начинают искать способы остановить это. Пишут письма министрам, депутатам, премьеру и даже президенту. Жалуются, как им тяжело жить, и угрожают в случае повышения налогов сократить персонал, а это будет означать для государства рост безработицы. Но все эти письма бестолку.

И тогда Наталья Устинова снова выходит из тени. Она за деньги организывает всем желающим личные встречи с премьер-министром, на которых у них появляется шанс убедить премьера не повышать налоги, акцизы, ставки, пени и много чего еще.

Именно поэтому Устинова только что запретила всем министрам раскрывать рот. Ведь если содержание сегодняшнего совещания просочится в СМИ, она потеряет часть прибыли. Как же Устинова ненавидит журналистов, которые своими публикациями обламывают ей малину...

— Еще раз! — грозно повторяет для тех, кто плохо понял. — Все, что сегодня тут обсуждалось, сугубо конфиденциально! Не дай бог хоть один журналист узнает.

Министры, как болванчики, дружно кивают.

Убираю в портфель бумаги и поднимаюсь со стула.

— Ярослав Викторович, — окликает меня Устинова.

Нехотя разворачиваюсь к ней.

— Слушаю вас, Наталья Алексеевна.

Подходит ко мне вплотную.

— У вас до сих пор нет пресс-секретаря.

— Я ищу.

— Я бы порекомендовала вам оставить пресс-секретаря Савельева, Лену Ложкину. Она хорошо справлялась со своими обязанностями.

— Ее контракт прервался автоматически сразу, как был уволен Савельев. Но спасибо за рекомендацию, я подумаю о том, чтобы снова взять ее в министерство.

— Я бы очень настоятельно вам рекомендовала, — многозначительно на меня смотрит. — Очень, Ярослав Викторович.

Ну все понятно. Ложкина — ее человек. Устинова мне не доверяет и хочет установить за мной слежку, посадив рядом свое доверенное лицо.

— Я подумаю, Наталья Алексеевна.

Спешу побыстрее убраться отсюда, нахрен. Тошнит от этих нафталиновых кабинетов, скрипучего советского паркета и красных ковров. Чиновник — это образ жизни, это образ мышления. Я, наверное, никогда не свыкнусь с госслужбой.

— Ярик!

Я не могу сделать вид, что не слышу этот голос.

— Валентин Александрович! — разворачиваюсь с улыбкой до ушей. — Рад видеть!

Министр финансов, мой бывший начальник и человек, которому я обязан своей карьерой, не спеша, направляется ко мне. Жмём руки.

— Ну как вы с Ириной? — хлопает меня по плечу. — Освоились уже?

— Стараемся, Валентин Александрович, стараемся.

— Когда вас в гости ждать?

— Когда пригласите, тогда и приедем. Мы с Ирой всегда рады вернуться в родной Минфин, вы же знаете.

— Тогда давайте вечером в пятницу заезжайте, обсудим пару дел.

«Вечерком в пятницу», когда на улице еще относительно тепло, министр финансов любит кататься на мотоцикле со своими друзьями-байкерами. Напяливает на лысину шлем — не столько для безопасности, сколько для того, чтобы его никто не узнал — и разъезжает на огромной скорости по подмосковным трассам. Поэтому раз он зовёт нас с Ирой в пятницу вечером, жертвуя любимыми мотоциклами, значит, дело действительно важное.

— Хорошо, мы с Ирой приедем.

— Мой секретарь передаст информацию твоему.

Согласно киваю, жму руку и вот теперь наконец-то сваливаю из Белого дома. Мой служебный автомобиль ждет меня у выхода.

— В министерство, — даю команду водителю.

Половина десятого. Мысли снова возвращаются к девчонке. Она действует на меня, как афродизиак. Давно не было, чтобы я настолько сильно хотел одну конкретную девушку. Обычно я не закидываюсь на представительницах прекрасного пола. Одна, вторая, третья... Какая разница? Они все одинаковые. Меняются только имена и цвет волос. И все они хотят одно и то же: чтобы я сводил их в ресторан, подарил дорогой подарок, а потом хорошо трахнул. Затем они хотят это повторить, вот только мне повторять не интересно.

Но Алена другая. Ей не нужны ни рестораны, ни подарки, ни секс. Ей подавай информацию. Вот только девчонка еще не поняла, что за информацию нужно платить.

Автомобиль заезжает во внутренний двор министерства, я быстро поднимаюсь на лифте в свой кабинет и вызываю Иру.

— Привет еще раз, — заходит ко мне, как всегда, без стука. — Как прошло совещание?

— Нормально.

— Что обсуждали?

Слегка смеюсь.

— Устинова запретила говорить.

Ира закатывает глаза.

— Когда уже эту коррупционерку вышвырнут?

— Ты же знаешь, что никогда. Есть проблема. Она навязывает мне своего пресс-секретаря.

— Я надеюсь, ты отказался.

— Сказал, что подумаю. Найди мне уже побыстрее кого-нибудь.

— Я ищу.

— Надо быстрее.

— Я ищу, — настойчиво повторяет.

— Хорошо. Это еще не все. Валентин Саныч ждет нас с тобой в пятницу вечером.

— В пятницу вечером у него байки.

— Но не в эту.

На лице Иры загорается неподдельный интерес.

— Он же отменяет байки по пятницам, только если его президент или премьер к себе вызывают, — напоминает, как будто я этого не знаю.

— Я тоже удивился.

— Сказал зачем?

— «Обсудить пару дел».

— Надо подготовиться.

— Я поэтому тебя и позвал.

Ира кивает и поднимается с места. Вот почему она мой первый заместитель — потому что без лишних разговоров понимает, что нужно делать.

— И можешь уже ехать домой, — говорю ей в спину.

— Спасибо за разрешение, босс, — отвечает с иронией.

Как только за ней захлопывается дверь, я перевожу взгляд на часы: 22:05. Откидываюсь на спинку кресла и тру лицо.

Неужели Алена не придёт?

Черт...

Меня охватывает злость на самого себя. Не удержался и полез к ней в машине, напугал своим напором. Надо будет извиниться. Поехать к ней домой. Постоять под окнами, как восемнадцатилетний сопляк. Хрен знает, зачем мне это нужно, ведь я легко могу поменять ее на другого журналиста. Но почему-то чувствую, что так будет правильно.

Просто надо признать самому себе: она не такая, как сотни девушек до нее. Она другая. Она умеет варить борщ, она хочет самореализоваться в жизни, а не тупо найти мужика с толстым кошельком, и она хочет помогать детским домам. Удивительная.

И я до умопомрачения хочу ее.

22:15.

Пора и мне отправляться домой. Завтра еще один бесконечно длинный и тяжёлый день. Собираю нужные бумаги в портфель и выхожу из кабинета, но тут же застываю, как вкопанный.

— Алена Доброва, на меня был заказан пропуск, — показывает паспорт охраннику у входа в мою приемную.

Тот смотрит в журнал.

— Пропуск был заказан ровно на 22:00, а сейчас уже 22:20, — недовольно ворчит.

— Извините.

— Я не могу пропустить вас, девушка. Может, министр уже занят. Вам было назначено на 22:00.

Я стою и улыбаюсь, как дурак.

Она все-таки пришла...

Глава 23.

ЯРОСЛАВ

— Пропустите девушку, — громко говорю охраннику.

Он и Алена одновременно поворачивают головы ко мне.

— Да-да, Ярослав Викторович, конечно, — спешит заверить меня мужик, возвращая Алене паспорт.

На ней строгая юбка, блузка и плащ. Длинные волосы собраны в прическу. Алена, не спеша, убирает паспорт обратно в сумку и с лицом, не выражающим никаких эмоций, медленно направляется ко мне, едва слышно постукивая по ковру каблуками.

Я настолько рад ее приходу, что продолжаю улыбаться, как дурак. А вот охраннику надо будет потом высказать. Даже подумать страшно, что он мог попросту не пропустить ко мне Алену.

— Привет, — говорю первый, когда она подходит вплотную. Обдает меня шлейфом своих умопомрачительных духов, что хочется зажмуриться от наслаждения.

Она все-таки пришла...

— Привет, — говорит безэмоционально, даже не приподнимая уголки губ.

Открываю дверь кабинета, пропуская Алену вперед. Она бегло оглядывается, может, ищет изменения с ее последнего прихода сюда. Но я не успел ничего тут поменять после Савельева. Даже портрет президента продолжает висеть на стене, хотя я категорически не приемлю сотворение себе кумиров. Надо будет снять его.

— Здесь все такое же прокуренное. Как ты тут работаешь? — Алена снимает с плеча объемную сумку и ставит ее на стол для переговоров, следом бросает плащ. — Не будешь делать ремонт после Савельева?

— Буду.

— Спасибо, что сказал. Отслежу потом твой тендер на госзакупках. «Новый министр экономики делает ремонт за -тцать миллиардов бюджетных рублей» — как тебе такой заголовок? А именитых дизайнеров приглашать будешь?

Смеюсь. Подхожу к ней. Хочу обнять и поцеловать, но лучше не надо, поэтому просто смотрю.

— Я очень рад, что ты пришла, — честно говорю. — Я ждал тебя.

— Вау! Какая честь! Меня ждал сам министр!

Дерзит. Ей идет эта уверенность в себе.

— Прошла всего пара недель с нашей первой встречи в этом же кабинете, — замечаю. — Но ты разительно изменилась.

— Внешне?

— И внешне тоже.

Да, тогда ко мне пришла стриптизерша, а сейчас деловой журналист. Но эта строгая юбка почти до колен и блузка, застегнутая на все пуговицы, заводят меня куда сильнее, чем то мини-платье, едва прикрывающее задницу.

— Что ты подумал обо мне, когда увидел первый раз?

— Честно?

— Конечно.

— Что ты недалекого ума.

Она залиvisto смеется, слегка откидывая голову назад.

— Так я и предполагала. Да уж, видок у меня тогда был соответствующий.

— Но уже через десять минут после начала интервью мое мнение о тебе кардинально изменилось. Ты очень умная, Алена. Но почему ты так оделась на интервью с министром?

— Видишь ли, когда я так одевалась, я не планировала брать интервью у министра.

— А что ты планировала?

Она медлит с ответом. На ее лице появляется слегка грустное выражение.

— Да так... собиралась на одно мероприятие.

Что ж там за мероприятие такое, для которого надо было одеваться, как на стриптиз.

Я все-таки не выдерживаю и опускаю руки ей на талию. Слегка притягиваю к себе и целую в щеку.

— Я ждал тебя, — шепчу на ухо, а сам поглубже вдыхаю ее запах.

— Ты уже говорил.

Девчонка — ходячий афродизиак. Снова хочу разложить ее прямо на этом столе. Целую тонкую кожу на шее, спускаю ладони к ее ягодицам.

Алена делает шаг назад, снимая с себя мои руки.

— Я пришла за письмом нефтяников.

— Я знаю, зачем ты пришла, — мне кажется, горечь сочится из моего голоса.

Черт, мне обидно, что ей нужна от меня только информация. Познакомься мы при других обстоятельствах, я бы все равно захотел ее. А она пришла бы ко мне, не будь я для нее источником?

Алена делает шаг в сторону и снова принимается рассматривать мой кабинет. Савельев почти ничего отсюда не забрал, а мне некогда выбрасывать его вещи, поэтому две недели работаю в окружении старого хлама.

— Я не была раньше в кабинете министра экономики, — говорит, подходя к большому шкафу со стеклянными дверцами. На полках стоят какие-то книги, статуэтки, вазочки... Я их не смотрел. — И ты коллекционируешь антиквариат?

— Нет, я не коллекционирую. Это добро мне от Савельева осталось. Некогда было выбросить.

Алена открывает дверцу и достает небольшую вазу.

— Какая милая вазочка! — наигранно восхищается. — 19 века из Италии?

— Понятия не имею.

Алена выпускает ее из рук, и вазочка громко бьется на мелкие осколки.

— Упс...

Я удивленно таращусь на девчонку.

— Что ты делаешь?

— Извини, я случайно, — невинно хлопает глазами. — Это проблема? Эта вазочка была важна для тебя?

— Нет, мне вообще на нее по фиг. Но у уборщицы закончился рабочий день, а завтра в 8 у меня тут совещание. Я не против, чтобы ты разнесла весь этот хлам, но давай не сейчас.

— Хорошо, — довольно улыбается, топчась туфлями на осколках.

Что с ней происходит?

— У тебя тонкая подошва, Алена. Проткнешь ее и поранишь ноги. Уйди с осколков.

Алена послушно делает шаг вперед. Подходит к другому шкафу и принимается рассматривать, что в нем.

Она какая-то странная сегодня. Не то что бы я возмущен тем, что она разбила вазу, нет, этот хлам я и так собирался выбросить, но все-таки поведение девчонки мне пока непонятно.

— О, тут шахматы! — восклицает с удивлением. Открывает стеклянную дверцу и достает их.

— Алена, я понятия не имею, что в этих шкафах.

— Шахматы, — вертит в руке, демонстрируя мне.

— Хочешь поиграть? — спрашиваю в шутку.

Пожимает плечами.

— Почему бы и нет?

— А ты умеешь? — вскидываю бровь.

— Умею. А ты?

— Умею.

Постукивая шпильками, возвращается ко мне.

— Сыграем?

Смеюсь.

— Алена, — снова опускаю ладонь ей на поясницу и притягиваю к себе. На каблуках она почти одного роста со мной. Ее губы практически на уровне моих губ, и мне до одури хочется их поцеловать. — Я, конечно, совсем тебя не знаю, но почему-то мне кажется, что с тобой что-то происходит. Ты точно в порядке?

Внимательно смотрю в ее лицо, пытаюсь прочитать по нему мысли. Замечаю покраснения вокруг глаз, старательно замазанные тональным кремом. Она плакала, догадываюсь.

— Со мной все хорошо.

— Не похоже.

Крепче обхватываю девчонку за талию и прижимаю к себе. Ее бедра упираются в мои. Опять снимает с себя мою руку и отходит на шаг в сторону.

— Так поиграем? — кладет на стол в шахматы.

— Ты же пришла за письмом, — напоминаю.

— Я о нем помню.

— Просто так мне играть не интересно.

Смотрю на коробку с шахматами на столе. Очень дорогое дерево, фигуры внутри наверняка резные. Наверное, Савельеву их кто-то подарил.

— Давай поиграем на желание? — предлагает.

Снова непроизвольно смеюсь.

— Алена, ты правда умеешь играть в шахматы?

— Да.

Удивительно. Когда я последний раз встречал двадцатидвухлетнюю девчонку, которая бы умела играть в шахматы? Никогда не встречал.

— Если ты знаешь, как ходят фигуры, это еще не значит, что ты умеешь играть.

— Я умею играть, Ярослав.

— Где ты научилась?

— У меня был хороший учитель, — загадочно отвечает.

Чувствую укол в самое сердце.

«У меня был хороший учитель» — так девушки говорят про своих первых парней.

Алена открывает коробку и высыпает на стол фигуры. Кладет доску и принимается расставлять белые и черные. И только сейчас я понимаю, что девчонка настроена очень серьезно. До этой секунды мне казалось, что она просто прикалывается, но нет. Девчонка реально почти в 11 вечера хочет сыграть со мной в шахматы.

— На желание, говоришь? — задумчиво уточняю, не сводя глаз с ее длинных тонких пальцев, продолжающих раскладывать на доске фигуры.

— Да. Победитель загадывает проигравшему любое желание.

— И тебе не страшно, что я выиграю и загадаю тебе что-то такое, что тебе не очень понравится?

Черт возьми, у меня только одно желание — разложить ее на этом столе.

— Я знаю, чего ты хочешь, — иронично замечает, стреляя взглядом на мою ширинку. — Нет, мне не страшно.

— А чего хочешь ты, Алена?

— Ты тоже знаешь, что я хочу.

— Информацию? — догадываюсь.

— Да.

Она закончила расставлять фигуры и сейчас смотрит ровно на меня. Я изучаю ее несколько секунд.

Как далеко готова зайти эта девчонка ради получения сенсации? Молоденькая, хрупкая, до умопомрачения сексуальная, но с очень крепким стержнем внутри. С каждым днем она удивляет меня все больше и больше.

— Сыграем, — наконец-то соглашаюсь. — Но не на желание.

— А на что?

— На раздевание.

— На что!?

Отодвигаю стул и сажусь за стол.

— Раз мы оба знаем, чего хочет каждый из нас, то играть на желание не интересно. Давай сыграем в шахматы на раздевание.

Алена от удивления приоткрывает рот.

— Когда ты мне проиграешь, в качестве утешительного приза я отвечу на три любых твоих вопроса, — добавляю.

— С чего ты взял, что я тебе проиграю? — возмущается.

— Иначе быть не может.

— Да что ты говоришь! А если это я сейчас оставлю тебя в прямом смысле без трусов?

— Сильно в этом сомневаюсь, но даже если вдруг окажется, что ты играешь лучше меня, то я давно не стесняюсь находиться при девушке без трусов.

Девчонка обескураженно хлопает ресницами. Не может решиться.

— На пять любых твоих вопросов отвечу, — соблазняю ее еще больше. Поворачиваю шахматы черными к себе. — И у белых право первого хода.

Она задумчиво смотрит на доску. Я даже чувствую, как двигаются шестеренки в ее голове. Просто поразительная девчонка.

— Ладно, — берет со стола свой плащ и снова надевает его. Открывает сумку, достает из нее шарф и закидывает на шею. — Ты тоже поверх пиджака надень что-нибудь. — предупредительно мне советует. — А то слишком быстро голым останешься.

— Не останусь.

— Какая самоуверенность!

Девчонка отодвигает стул и садится напротив меня.

— Одна убитая фигура — это одна снятая вещь, — говорю.

— Шестнадцать фигур у каждого. То есть, надо будет снять шестнадцать элементов одежды, если будут убиты все фигуры. — Снова проходит по мне взглядом. — На тебе точно есть шестнадцать элементов одежды?

— За меня не беспокойся.

— Как скажешь, — хмыкает.

— Ты первая ходишь.

Не передать словами, как меня забавляет эта ситуация. Я же обыграю ее за пятнадцать минут. В моей биографии было написано только про бейсбол. А вот про свои школьные победы на соревнованиях по шахматам, я почему-то нигде не указываю.

У девчонки нет шансов, самодовольно думаю.

Но ровно до тех пор, пока она не делает первый ход пешкой.

— Ты решила разыграть со мной ферзевый гамбит? — простреливаю ее взглядом.

Алена откидывается на спинку стула, скрещивая на груди руки.

— Забыла сказать: мой дедушка тридцать лет преподавал шахматы, — ехидно улыбается. — Даю тебе минуту на то, чтобы накинуть на себя еще одежды, Ярослав.

Глава 24.

ЯРОСЛАВ

Девчонка вышла за пределы моего понимания. Несколько секунд я в растерянности гипнотизирую ее белую пешку, которую она выставила в центр доски. Сделав такой ход, Алена открыла своего ферзя, его же еще зовут королевой.

— Жарковато, — капризно тянет девчонка и машет ладонью, будто веером, возле шеи.

— Потерпи чуть-чуть, я тебя скоро раздену.

Издает саркастичный смешок.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты слишком самоуверенный? Я давала тебе минуту на то, чтобы ты накинул на себя еще одежды. Она вышла. Так что все, Ярослав. Что там на тебе?

Подается вперед и принимается меня рассматривать.

— Пиджак, галстук, рубашка, брюки... — привстает со стула и заглядывает ко мне вниз.
— Ремень есть?

— Есть.

— Ремень, носки, туфли, трусы, — заканчивает перечислять мой перечень одежды. — Итого на тебе десять элементов одежды.

— Десять моих фигур ты не убьешь, — отвечаю, продолжая смотреть на доску.

— Пожалуй, я отмечу этот день в своем календаре: день, когда я оставила министра без трусов!

Наконец-то делаю ход черной пешкой. Ставлю ее ровно напротив пешки Алены. Девчонка тут же серьезнеет и возвращает внимание к шахматам.

От дальнейшего шага девчонки зависит, смогу ли я ее обыграть. Если она пойдет так, как я жду, что она пойдет, победа у меня в кармане.

Мне не удастся сдержать триумфальной улыбки, когда она ставит свою вторую пешку рядом с первой. Точно, как я предполагал.

Теперь у меня выбор: принять ее ферзевый гамбит, убив только что поставленную Аленой пешку, или отклонить его. Поднимаю взгляд на девчонку. Она все еще расслаблена.

— Я отвергаю твой ферзевый гамбит, — делаю объявление идвигаю новую пешку на клетку вперед.

Девчонка вмиг напрягается. Не ожидала, что я отвергну. Смотрит на доску, пытаюсь принять дальнейшее решение. Она может убить мою пешку на е5, тогда я следом убью эту же ее пешку, и мы оба снимем по одному элементу одежды. Или же она может сделать другой ход любой из своих фигур.

Пока Алена размышляет, жарко становится и мне, но не от температуры в кабинете, а от того, какая девчонка сексуальная, когда усердно думает. Поставила под подбородок руку, сморщила лоб, прищурила глаза и поджала губы. Да, определенно мозги плюс сексуальность — лучшее, что может сочетать в себе девушка.

Обычно мне попадаются только красивые и сексуальные, но абсолютно без мозгов. С одной стороны, с ними удобно. Но с другой — скучно. Наверное, поэтому я всегда так быстро терял к ним интерес. С Аленой все по-другому. Девчонка не только красивая и с мозгами, но еще умеет удивлять. С каждым днем мой интерес к Алене растет в геометрической прогрессии.

Спустя минут пятнадцать размышлений, Алена делает ход конем. Я зеркалю ее ход.

— Я думал, ты все-таки убьешь мою пешку, чтобы побыстрее оставить меня без трусов.

— Я, безусловно, хочу оставить тебя без трусов, но сейчас мне важно самой остаться в них.

Смеюсь. А тем временем Алена снова погружается в размышления о следующем ходе. Часы на стене показывают, что с начала игры прошел почти час. И тут я понимаю, что партия не будет легкой. Я думал, что обыграю девчонку за каких-то пятнадцать минут, но не тут-то было. И мы оба все еще не сняли с себя ничего из одежды.

— Жарко, — теперь уже я сетую.

— Подожди, я тебя сейчас раздену, — отвечает, не отрываясь от доски.

— Знаешь, а я не возражаю, чтобы ты меня раздела.

Она никак не реагирует на мой комментарий, продолжает гипнотизировать фигуры.

— Будешь чай или кофе? Или воды? Еще есть шампанское.

— Шампанское я выпью, когда выиграю, а сейчас кофе.

Встаю со стула и подхожу к своему рабочему столу. Нажимаю кнопку на телефоне.

— Лидия Ивановна, два кофе, пожалуйста.

— Да, Ярослав Викторович, сейчас, — бойко отвечает моя секретарша.

Когда я возвращаюсь к Алене, она делает ход слоном, угрожая убить моего коня. У меня сейчас не может быть другого выбора, кроме как пойти вперед крайней пешкой.

Не долго думая, Алена убивает своим белым слоном моего черного коня, делая один шаг вперед по диагонали.

— Стриптиз в студию, господин министр! — довольно улыбается.

Чертовка. Таки она первая открыла счет.

Принимаюсь стягивать с себя пиджак, как вдруг Алена меня останавливает:

— Подожди! — выставляет вперед ладонь. — Я хочу, чтобы ты сделал это красиво и под музыку. Я сейчас найду трек.

— Чего??? Сейчас сюда зайдет моя секретарша с кофе.

— То-то она удивится, чем ее начальник в столь позднее время занимается, — хихикает, быстро тыкая в айфоне. — Как тебе такая?

На весь кабинет начинает играть мелодия, которая хоть отдаленно и кажется мне знакомой, но все же заставляет меня сморщиться.

— Что за ужас?

— Эй! Это моя любимая песня! — возмущается.

Американская песня продолжает играть, я все еще не решаюсь снять под нее пиджак, как дверь кабинета открывается и заходит секретарша с двумя кружками кофе на подносе.

Лидия Ивановна — женщина лет около шестидесяти — сначала в удивлении замирает на пороге, но через пару секунд продолжает движение с подносом к нашему столу. Меня начинает разбирать смех, когда я понимаю, как все выглядит со стороны: в 12 ночи министр и девчонка сидят за шахматной доской и слушают американскую песню.

— Спасибо, Лидия Ивановна, — отвечаю, стараясь подавить в себе смех.

— Не за что, Ярослав Викторович, — цедит сквозь зубы.

Бросаю взгляд на Алену. Она не выключает песню и тоже явно пытается сдержать в себе приступ хохота.

Обратно Лидия Ивановна уходит в три раза быстрее, чем шла к столу. Как только за женщиной закрывается дверь, мы с Аленой одновременно прыскаем от смеха.

— Почему твоя секретарша еще тут? — спрашивает Алена, отсмеявшись.

— Она не может уйти, пока я не ушел.

— И ты в 12 ночи держишь ее на работе!? — ужасается.

— Если я сам еще на работе, то конечно.

— Но это же не гуманно!

Закатываю глаза. Невыносимая девчонка.

— Выключи на секунду музыку, — песня глохнет, а я снова иду к рабочему телефону.

— Лидия Ивановна, можете уходить домой.

— Я вам точно больше сегодня не понадобится? — спрашивает, скорее, для вида.

— Точно. До завтра, Лидия Ивановна.

— Спасибо, Ярослав Викторович. До завтра.

Возвращаюсь на место.

— Ну-с, Ярослав Викторович, попрошу вас снять пиджак. Медленно, красиво и под музыку!

Дурацкая песня начинает играть с начала и, смотря Алене ровно в глаза, я медленно и максимально красиво снимаю с себя пиджак.

Сейчас я своим ферзем убью слона девчонки, так что медленно, красиво и под музыку раздеваться передо мной будет уже она.

Глава 25.

ЯРОСЛАВ

— Какой у нас талантливый министр экономики! — выдыхает девчонка, ставя песню на паузу. — Умный, — принимается загибать пальцы, — красивый, в бейсбол играть умеет, в шахматы играть умеет, стриптиз танцевать умеет...

— Талантливый человек талантлив во всем, — вешаю пиджак на спинку соседнего стула. — Ну а теперь, Аленушка, жду стриптиз в твоём исполнении.

И я убиваю своим ферзем ее слона.

— Ты же не думал, что это стало неожиданным для меня? — кивает на доску, имея в виду ликвидацию ее фигуры.

Алена снимает с себя шарф и отбрасывает его в сторону.

— Ну нет, так дело не пойдет, — протестую. — Давай медленно, красиво и под музыку.

— Это всего лишь шарф, его не получится снимать медленно.

— У меня тоже был всего лишь пиджак.

— Пиджак можно снять эротично, шарф — нет.

Противная девчонка. Ладно, она еще мне станцует.

Алена делает глоток кофе и опускает внимательный взгляд на доску. Снова прищуривает глаза, и я понимаю, что это надолго. Девчонка над каждым ходом размышляет не меньше десяти минут. Это характеризует ее как очень терпеливого человека, умеющего ждать. Обычно молодежь хочет все и сразу, но это, видимо, не про Алену. Похвально.

Девчонка пускает в ход второго коня, хотя, на мой взгляд, лучше бы пошла одной из пешек, которые сейчас закрывают пути ладьям и оставшемуся у девчонки слону.

Если я сейчас не предприму меры, то Алена убьет этим конем мою пешку, которая продолжает стоять в центре доски ровно напротив ее пешки, следом уберет моего ферзя и поставит мне шах.

— Ну это слишком легко, — отпиваю кофе. — Неужели ты думаешь, что я не вижу на три шага вперед?

— Я не сомневаюсь в том, что ты прекрасный стратег.

Сейчас мне надо подумать над следующим ходом. Естественно, я не дам девчонке так быстро поставить мне шах.

Минут через пять размышлений я решаю выпустить на поле слона. Такой ход позволит мне в дальнейшем совершить рокировку: поменять местами короля и ладью. Придвигаю слона вплотную к ее коню, угрожая его убить и поставить девчонке шах.

— Неужели ты думаешь, что я позволю тебе так быстро поставить мне шах? — хмыкает.

Девчонка тоже видит на несколько шагов вперед, молодец.

— Ну что ты, нет, конечно.

— А то у нас игра закончится быстрее, чем мы успеем раздеться.

Я не успеваю удивиться такому комментарию, как Алена пускает в игру своего ферзя. Придвигает его к моему слону, угрожая убить.

Девчонка снова заставляет меня внимательно думать над следующим ходом. И жарко становится уже в прямом смысле, поэтому я слегка ослабляю галстук. Конечно, Алена не может не вставить едкий комментарий:

— Тебе так не терпится передо мной раздеться?

— Мне не терпится перед тобой раздеться с тех пор, как я тебя первый раз увидел. Но сейчас мне просто жарко.

Чувствую на себе ее пристальный взгляд, но не поднимаю глаза в ответ, потому что мне надо хорошо поразмыслить. Сейчас начинается самая интересная часть игры.

Я могу все-таки убить ее коня своим слоном, но тогда она тут же уберет моего слона своим ферзем (его же еще называют королевой). Королева — это самая важная шахматная фигура, не считая короля, которого всю игру нужно защищать. Королева может ходить, куда захочет: вперед, назад, вбок, по диагонали. Если я сейчас пойду слоном на одну клетку вперед по диагонали и уберу Алениного коня, то девчонка пойдет королевой на одну клетку вправо и уберет моего слона.

Я готов пожертвовать слоном?

Наверное, пока нет.

У меня не много вариантов, как сейчас защититься. И да, есть соблазн отступить. Но пока я не готов доставить девчонке такое удовольствие, поэтому всерьёз размышляю над тем, чтобы пустить в игру коня. Он сможет защитить моего слона. А если Алена все-таки решится убить его своей королевой, то тогда мой конь ее накроет. Вот и проверю, настолько ли девчонка отчаянная, чтобы так быстро лишиться самой важной фигуры.

— Конь на сб, — делаю объявление и передвигаю фигуру.

— Ммм, — удивленно тянет.

— Неужели ты не предвидела этот ход?

— Предвидела, конечно, но все-таки думала, что ты захочешь убить моего коня и посмотреть, как я буду снимать с себя медленно и под музыку плащ.

— Я еще обязательно на это посмотрю.

«И не один раз», добавляю про себя.

Меня вдруг посещает неожиданная мысль о том, что я не готов быстро попрощаться с Аленой. Впервые за долгое время мне хочется задержаться рядом с девушкой. Пока не понимаю, насколько долго, но совершенно точно одного секса с ней мне будет мало. Даже если он окажется посредственным. Даже если девчонка вовсе девственница и ничего не умеет.

Снова прикипаю к ней взглядом. Мысленно я уже давно ее раздел и разложил. Алена гипнотизирует доску, а я гипнотизирую ее. Хочу. Вот просто хочу ее и все.

— Ты сейчас прожжешь во мне дыру, — говорит, не отрываясь от шахмат.

— Хочу смотреть на тебя.

— Пешка на а3, — Алена игнорирует мой комментарий и выдвигает вперед пешку перед своей ладьей, уже с двух сторон атакуя моего слона.

— Пока отступлю, — двигаю слона на одну клетку назад по диагонали.

— Сдаетесь, Ярослав Викторович? — вскидывает бровь.

— Я никогда не сдаюсь! — закидываю руки за голову и опускаюсь на спинку стула.

Хочу любоваться девчонкой. Мне нравится, как она задумчиво морщит лоб, щурит глаза, образовывая вокруг них мимические морщинки. Нравится, как то поджимает губы, то кусает их. Нравится, как теребит кулон на шее. Обращаю внимание, что на ее пальцах нет колец. Обычно девушки носят хоть какое-нибудь ради украшения. У Алены только сережки и кулон.

Мне все равно, выиграю я или проиграю, я в любом случае уже для себя решил, что куда этой ночью не отпущу Алену. Вчера в машине я дал ей сбежать. Сегодня не дам.

Обстановка на шахматной доске с каждым новым ходом накаляется все больше и больше. Алена подолгу раздумывает над каждым шагом, я тоже. Она двигает на одну клетку вперед пешку, которая стояла прямо перед ее королем. Я наконец-то провожу рокировку своего короля с ладьей. Алена пускает в ход слона, который до этого всю игру стоял на месте, и тоже готовит рокировку короля и ладьи.

Да, Алена, несомненно, очень хорошо играет в шахматы. Не просто знает, как ходить, а именно умеет играть. Она видит на несколько шагов вперед и умеет беречь каждую фигуру, что очень важно. Многие игроки не дорожат пешками и разменивают их направо и налево, думая, что пешка — это неважный элемент. Как же они ошибаются.

Время идет, а мы оба по-прежнему в одежде. Я снял с себя только пиджак, а Алена только шарф.

— Тебе не жарко? — спрашиваю.

— Жарко, — поднимает на меня взгляд. — В прямом смысле.

— Мне тебя уже жалко в этом плаще.

— Открой окно.

— Нет, я лучше сниму с тебя плащ. Пешка на е5.

И я совершаю провокацию, двигая пешку на одну клетку вперед.

Девчонка хмурится и снова начинает размышлять.

— Ну ты же понимаешь, что я ее сейчас убью, — замечает.

— А потом я убью твою соседнюю пешку.

С томным вздохом Алена убивает мою пешку. Я тут же убиваю ее.

Девчонка поднимает на меня насмешливый взгляд.

— Я готов снимать галстук.

— Галстук и рубашку, — говорит, пристально глядя на меня с улыбкой, и смахивает еще одну мою пешку своей.

И это ее роковая ошибка.

Алена включает все ту же песню, но на этот раз я не особо стараюсь, а просто стягиваю с себя галстук.

— Ну нет, так дело не пойдет! — тут же возмущается. — Давай-ка хотя бы рубашку красиво сними.

— Можешь сама расстегнуть пуговицы на моей рубашке. Это будет красиво. Только выключи дурацкую песню.

Мне интересно, решится ли девчонка.

Насколько она смелая?

Как далеко она готова со мной зайти?

Несколько секунд Алена не сводит с моего лица пристального взгляда, а затем ставит музыку на паузу, поднимается, обходит стол, постукивая шпильками, и приближается ко мне. Я поворачиваюсь к ней на крутящемся стуле и смотрю в изумлении. Алена склоняется ко мне, обдавая своим крышесносным запахом, и берется пальцами за верхнюю пуговицу моей рубашки. Поднимает на меня глаза и расстегивает ее.

Глава 26.

ЯРОСЛАВ

В ту же секунду мне срывает стоп-кран. Поднимаюсь на ноги, опускаю ладонь на затылок девчонки и накрываю ее губы. Второй рукой сжимаю за талию и впечатываю в свое тело.

— Мы не доиграли, — шепчет сквозь мой поцелуй.

Упираю Алену ягодицами в стол и снимаю с нее плащ.

— Хочешь, я расскажу тебе, что будет дальше? — целую ее шею, слегка прикусывая.

Девчонка охает и вцепляется пальцами в мои плечи.

— Что? — выдыхает, запрокидывая голову назад.

— Тебе не надо было убивать мою вторую пешку, — расстегиваю две пуговицы на ее блузке и целую ключицу, — из-за этого ты не успела сделать рокировку и защитить короля. — Ее пальцы скользят с моих плеч к груди и тоже расстегивают пуговицу. — Так что мой следующий ход — это ладья на одну клетку вбок и шах твоему королю.

Иду поцелуями вверх по ее шее и снова накрываю губы. Девчонка охотно мне отвечает. Поддеваю пальцами ее юбку и просовываю ладонь. Веду ею вверх по ноге до окончания чулок. С ума сойти, как это сексуально.

— Так я бы укрыла своего короля, пойдя вправо, — прерывает поцелуй и рвано шепчет мне в губы.

Иду по ее ноге еще выше и цепляю резинку трусиков.

— А я бы убил ферзем твоего коня, — спускаю их слегка вниз, а дальше они сами падают к ногам. Белое кружево. Одной рукой подхватываю Алену за талию и сажаю на стол, упираясь бедрами между ее ног. Снова целую в губы, пока она продолжает расстегивать мою рубашку, — после этого ты бы убила моего ферзя своей пешкой, — опять спускаюсь к ее лебединой шее. Алена уже покончила с последней пуговицей и ведет ладонью по моему торсу.

Ка

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.